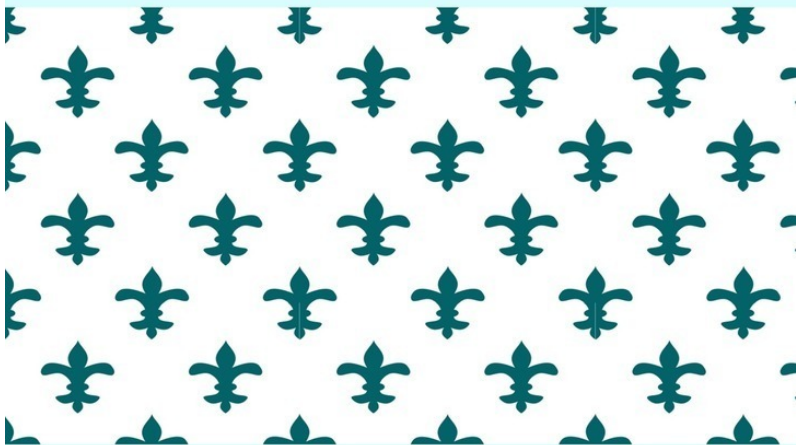

Мария Буркова

РЫЦАРСКИЙ РОМАН ВЕРНУЛСЯ

Сумейте его узнать

Мария Буркова
Рыцарский роман вернулся.
Сумейте его узнать

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33831470
ISBN 9785449089632*

Аннотация

Рыцарские романы – любой литературовед подтвердит Вам, что их образцы утрачены, и остались лишь упоминания... Эта книга позволит Вам не только почувствовать, что это такое на языке современности, но и понять очень многое в этом интересном мире, в котором мы все живём.

Содержание

Несказка о звёздном мальчике	5
1. Гранд	6
I	6
II	21
III	35
IV	52
V	67
VI	81
VII	96
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Рыцарский роман вернулся Сумейте его узнать

Мария Буркова

© Мария Буркова, 2018

ISBN 978-5-4490-8963-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Несказка о звёздном мальчике

*Вот зачем я не верю, а знаю,
Что не надо ни слез, ни забот,
Что когда-нибудь к милому краю
Нас Господь наконец приведет.
Иван Савин 1922 г.*

1. Гранд

I

*«Три дороги, лютый зверь,
Предсказателям не верь,
Если дверь тебе закрыли – бей тараном в эту
дверь!
Не умеешь – не берись,
Не умеешь – но дерись,
Ни обрыва, ни ухаба – ничего не сторонись!»*
Алькор

– Барин, прости меня, но придётся тебя тревожить – Великий Инквизитор до тебя выдвинулся! – запыхавшись, вещал Педро и уже торопливо вваливался в камеру. – Он явно не один, так что дело дрянь, видать! – тучная фигура тюремщика, умевшего, когда надо, ни разу не звякнуть ключами, проворно нависла над лежащим юношей. – Скорее, барин, мне ещё твоё ложе надо спрятать успеть.

Эстрелладо быстро поднялся на ноги и молча кивнул. Со сна оставаться в одной рубашке было очень неприятно, но подводить никого из тюремщиков он не желал. Они и так немало старались для того, чтоб максимально облегчить его участь, ежечасно рискуя попасть под внимание не только ко-

ролевских шпионов. Причём по собственному желанию, чем немало удивили новопожалованного гранда, не успевшего и часу пробыть на свободе в новом статусе. Когда стражники волокли его две недели назад по каменным ступеням, молодой воин плохо отдавал себе отчёт в реальности происходящего и не мог отметить два важнейших обстоятельства – несмотря на серьёзность обвинения и тот факт, что аристократ он всего лишь несколько минут от оглашения указа до ареста, прикасаться к нему руками, да ещё столь ощутимо, солдатня права не имела, да и выполняли они столь буквально приказ явно потому, что являлись скорее людьми де Солера, чем короля... Это путешествие в каменный мешок было похоже на нырок в камнедробилку – столь аккуратно и методично его избивали на всём пути, так, что не оставалось времени и сил даже закричать, такие опытные оказались кадры на службе у приятеля инфанты. Да и была ли санкция на то, что с ним потом делали уже в камере – тоже очень серьёзный вопрос... Хотя формально можно было шуметь, требовать прокурора, чтоб зафиксировал раны и жаловаться дальше согласно протоколу – слишком хорошо было понятно, что толку не будет, всё припишут якобы имевшему быть сопротивлению при аресте. Когда же, наконец, всё-таки довелось потерять сознание от боли, повиснув на цепях уже ни на что не годным хламом, этих мастеров заплочных дел уже и след простыл вскоре. Странно было лишь то, что его не покалечили – значит, или обвинение будет снято, или впереди

казнь. Но раны от шипов на запястьях так и не зажили полностью, несмотря на то, что кормёжку тюремщики таскали совсем не ту, что было приказано. Да и вообще обращались с узником, явно не согласуясь с полученными указаниями, иначе бы от него осталось бы уже обессиленное тело, не способное мыслить и чувствовать.

Какую же надо вызывать у людей ненависть, чтоб бессердечные по своей природе тюремщики по собственному желанию вели себя таким образом, мозг Эстрелладо отказывался понимать. Он всего лишь отказался от руки инфанты, и только. То, что это сподвигнет этих людей натуральным образом нянчиться с ним, не только манкируя положение о двенадцатичасовом пребывании в оковах на растяжке, но ещё и таскать сюда вполне сносную походную постель по собственному почину, а также еду явно из самого дорогого трактира в городе – не могло быть придумано самым воспалённым воображением. И всё же оно было так – он, всегда в глубине души презиравший чернь, сейчас был обласкан ею до таких немыслимых пределов, и за поступок, который никакого вроде бы отношения к ней не имел. Когда Педроловко и аккуратно поместил тело на растяжку, Эстрелладо отметил, что положенных изнутри шипов в наручниках нет в помине... Совсем не мелочь, и если кто узнает и донесёт, не поздоровится всем троим сменщикам – но отчего-то их это не смутило, видать, раз сделали это молча. Да и за то, что у него не стали отнимать платье – куртку порвали те, кто

приволокли его сюда – молодой человек был искренне благодарен этим простолюдинам. Они, в самом деле, ещё и жалели, что больше ничем не могут помочь – и даже не мешали ему горевать о погибшей матери, не приставая без устали с болтовнёй и уверениями, что всё наладится.

– Значит так, барин, ты вроде как уже пять часов пристёгнут, – торопливым шёпотом вещал в ухо Педро, – потому если эта хитрая лиса вздумает тебя отцепить, сумеи сделать вид, то ты уже деревянный, понял? А то ходят слухи, что нас всех троих желают заменить на людей де Солера, не иначе как тебя со свету сжить хотят, учти! И что там твои соратники делают, пока ты тут прохлаждаешься, ума не приложу, вот лоботрясы!

Эстрелладо охотно хлопнул ресницами в знак согласия и прикрыл глаза – за дверью уже раздавался звук шагов, и шептаться было опасно, Педро поспешно отскочил к факелу на стене, будто затем, чтоб заставить его светить ярче в присутствии высокого гостя. Дверь с натужным скрипом начала открываться – постепенно... Вот же хитрецы тюремщики, когда они сами заходят в камеру, дверь вообще почти не слышно, успел удивиться молодой человек про себя. Великий Инквизитор шагнул внутрь отчего-то в одиночестве, видимо, оставив сопровождавшего в коридоре. Педро подкатился к его высоченной фигуре – потолок едва позволял тому стоять во весь рост здесь – подобострастным колом и плюхнулся на колени, подставив голову для благословле-

ния и почтительно сложив ладони горстями. Узник не стал открывать глаз и смотреть на это – он действительно чувствовал себя все эти дни столь дурно, несмотря на все выгоды своего пребывания в заключении, что уже проникся натуральным равнодушием к происходящему. Невозможность дышать ночным воздухом, смотреть на звёзды и видеть полуденное солнце и цветы сделала своё чёрное дело – лишив Эстрелладо этой важной для него вещи, враги действительно смогли до известной степени растоптать его морально. И ему сейчас было безразлично, что гость мог это заметить, хоть они никогда не были врагами, их отношения были всегда столь официальными, что и говорить об их существовании вообще было сложно. Скорее всего, просто наступило время инспектировать тюрьмы, и лишь поэтому эта встреча и смогла здесь состояться.

Великий Инквизитор молча сделал нужные жесты над Педро и выставил его вон, всё так же молча повелев закрыть дверь. Затем не торопясь особо шагнул к тому, кого он видел перед собой. Если не считать того, что за пять лет, прошедших с их последней заметной встречи, Эстрелладо вымахал в высоту и ширину так, что вполне достиг габаритов взрослого латника, изменилось мало. Но сумел за эти пять лет бывший тринадцатилетний ребёнок немало – и ревновать тут было к чему, собрать исключительно на своём обаянии целую гвардию в какие-то несчастные восемнадцать, целых четыре роты, что ещё и уцелели в битве почти в пол-

ном составе, суметь возглавить армию после гибели командующего, выиграть не только решающую битву, но фактически уже целую войну, построить серию пограничных крепостей... За одно это желающих ненавидеть нынешнего круглого сироту, никогда не знавшего своего отца, было кому и не только при дворе. Возможно, оценив почти ангельскую внешность белокурого красавца с аристократическим прищуром и точёными чертами лица – такого породистого экземпляра было трудно сыскать, а то и невозможно, при лучших дворах Европы, король и принял решение улучшить собственную породу, а интриги инфанты и её поклонников – просто фон для несчастья этого Звёздного Мальчика. Кто ж знал, что он окажется настолько непредсказуем и горяч, что откажется столь резко от пожалованной ему милости – эх, не научили парня быть гибким, некому было учить... Да и сообщение о смерти матери, что таскалась десять лет в поисках ребёнка – который с бессердечным высокомерием избалованного подростка поначалу просто высмеял её, не отвергая, не зная, что за ошибку совершает – ну никак не помощь в столь уже запутанном деле. И то хорошо, что ординарец-горбун оказался столь хитёр, что скрыл полученное известие от своего господина – страна оказалась спасена, иначе бы вести в бой армию было некому. Но дальше уже была неизбежность – в виде короля, что сам решил встретить победителя вместе с его воинами, да в виде цыганки, что прилюдно рассказала, как люди де Солера отказали в помощи

больной бабе, которой вдруг стало плохо на улице. Как же бедолагу аккуратно развели придворные крючкотворы на истерику – что ж он сам, бедняга, не справился с этим дежурным коварством, видать, даже у него, неземного, на Земле ресурс конечен. Великий Инквизитор очень жалел, что его не было в столице в эти дни – иначе бы просто не позволил своим присутствием случиться такому беспределу. Пожалуй, о звёздном происхождении Эстрелладо все уже забыли за эти пять лет, да и знали немногие, а подлая цыганка снова куда-то исчезла, даже не подстрекает никого на улицах идти освобождать парня – а могла бы вполне, у неё бы это хорошо получилось. Мальчик был достаточно умён, чтоб лично прекратить все возможные толки о себе и звёздах – и, как свидетельствовал тамошний кюре, сам утопил в реке все хрустальные ожерелья, которые передавали на небо информацию о происходящем. Теперь и кюре этого нет уже, а кто духовник у молодого? Бог весть.

Инквизитор тихо приблизился вплотную к растянутому на цепях телу, быстро припечатал серебряным крестом чуть раскрытые покусанные губы и торопливо взялся читать разрешительную молитву, как будто уже выслушал и принял исповедь. Эстрелладо медленно открыл глаза, и его обычный полыхающий в них огонь проявился лишь на крохотную долю секунды, сменившись ровным, ничего не значащим во все выражением. Так смотрят те, кто уже ничего хорошего не ждёт от происходящего и предоставляет окружающим

полную власть над собой, будучи не в силах сделать что-либо самостоятельно. Однако, когда гость закончил, молодой человек произнёс хоть и очень тихо, но внятно настолько, что можно было сделать вывод, что он вполне владеет собой:

– Спасибо Вам, отец. Вы слишком добры ко мне.

Отчего-то такого кроткого ответа инквизитор ожидал меньше всего – возможно, привыкнув доверять слухам о слишком крутом нраве и темпераменте нынешнего подопечного, а возможно, просто в результате пробуждения своей настоящей натуры – и его старания освободить от пытки юношу были слишком поспешными. Да и притворяться Эстрелладо вовсе не пришлось – боль была самая, что ни на есть настоящая, а холод подземелья вместе с незажившими ранами, полученными при аресте, угнетали его сильно и всерьёз. Оттого под тёплым плащом гостя он дрожал натуральной дрожью человека, близкого к лихорадке, а фляжке с крепким питьём был рад не меньше, чем лучу солнца, который посещал окно под потолком в три часа пополудни ровно на десять минут.

– Кто твой дознаватель? – вполне официальный вопрос был задан столь участливым тоном, с настоящими отеческими интонациями, что молодой человек почувствовал себя ещё хуже.

– Я его ещё не видел, – почти прошептал он, покачав головой. – Не знаю.

– Как это, тебя пытаются без допроса, получается? – даже

в полумраке камеры было заметно, как нахмурился Великий Инквизитор – а это ничего хорошего обычно не означало для тех, по чьему адресу он темнел.

– Мне очень досталось по прибытии сюда. Вот и всё, пожалуй, – Эстрелладо говорил без всякого выражения, не шевелясь, и это явно не нравилось гостю.

– Мне сказали, что ты должен оставаться в том виде, что я тебя застал, свыше восьми часов. Ты знаешь, что больше четырёх нельзя?

– Нет, я не изучал эти вещи на свободе.

– Тогда слушай. То, что происходит – противозаконно, и я не намерен это так оставлять. Но пока я буду с этим разбираться, тебя могут здесь прикончить, желающих, чтоб ты не вышел отсюда живым, при дворе хватает. Нужно перевести тебя под опеку церковного суда – там тебя не достанут, и можно будет решить твоё дело спокойно. Будешь сидеть у меня в саду на террасе, пока адвокаты будут заниматься всем, чем положено. Понимаешь меня?

– Вы что такое говорите, отец? – Эстрелладо воззрился на своего благодетеля широко раскрытыми от ужаса глазами. – Ради пары недель в саду я должен лгать, будто я вероотступник? Это же Иудин грех, ему нет прощения! Довольно и того, что я погубил своей чёрствостью собственную мать – она подорвала здоровье окончательно по моей вине, так не за то ли мне сейчас это приключение?

– Молчи, глупый мальчишка, дело серьёзнее, чем ты себе

вообразил! – сурово прервал гость. – Как раз тот факт, что тебе поздно сообщили о смерти матери, нам на руку – объявим о том, что у тебя в голове от горя помутилось, а позже скажем, что ты выздоровел в монастыре, и вся недолга. Тебя уморят здесь прежде, чем удастся снять с тебя обвинение в оскорблении Их Величеств – а под нашей опекой дело закроют сразу. У тебя слишком могущественные враги, они не допустят, чтоб ты вышел живым отсюда, а я не могу допустить, чтоб после твоей гибели в стране началась дикая смута и резня.

– Кто мои враги, если меня здесь никто не беспокоит – только Вы и пришли сегодня? – с огромным удивлением проговорил узник, явно не до конца понимая смысл сказанного.

– Для начала – Её Высочество, причём ты ухитрился сделать её врагом дважды, пять лет назад и нынче. Это уже взрослая фурия, и опаснее её сейчас сложно что-либо даже придумать. Она не одна, у неё целая куча прихлебателей и поклонников, которые каждый в отдельности чего-то да стоят – во всяком случае, отравить тебя или зарезать неугодного для них не вопрос.

– Она ведь женщина, – недоверчиво улыбнулся юноша. – Вы всерьёз полагаете, что она способна на такие злодеяния? Она же будущая мать, всё же...

– Слушай, кому её лучше знать – мне или тебе, а? – Инквизитор заметил, что сам немало удивляется услышанному. – Ты ещё слишком неискущён, чтоб знать, на что способ-

на избалованная властью эгоистка, полагающая себя оскорблённой – поверь тем, кто в этом разбирается. Мало того, что она затаила злобу с детства, полагая, что её высекли из-за тебя, а не по её вине, так ты ещё при всей державе посмел отвергнуть её руку – такого оскорбления не спустит ни одна принцесса в мире, сколь бы ни был ты ей на деле безразличен. Но дело ещё хуже – ты ей вовсе не безразличен, имей это в виду.

– Она что, меня любит, это Вы хотите сказать? – Эстрелладо шарахнулся, как испуганный конь.

– Она тебя хочет, парень, а это гораздо хуже, гораздо. Она из тех зверёнышей, что предпочитает разорвать в клочки то, что ей нравится, лишь бы другому не досталось. А ты её привлекаешь как раз тем, что не достался, и уже не раз, – он с интересом смотрел на юношу, до которого как будто не доходили эти слова.

– Такая молодая и красивая – и такая злобная, с чего бы? – недоверчиво пожал плечами узник. – Уж не преувеличение ли это? У неё такой добрый отец... Думаю, они оба со временем успокоятся и поймут меня, всё же. Скажите им, что я готов извиниться – может, этого будет достаточно.

– О, ты точно свалился с неба, теперь в этом нет никаких сомнений! – Великий Инквизитор понял, что до сих пор может быть подвержен эмоциям... – Да пойми же, что тебе нужно согласиться на то, что я предлагаю – иначе сам король, возникни у него вдруг такое желание, не сможет достать тебя

отсюда живым! Есть куча способов прикончить тебя – и тьма желающих поквитаться с тобой за твои успехи, заканчивая шпионами сопредельных государств, которым выгодна гражданская война в случае твоей смерти, и начиная с де Солера, что спит и видит твой истерзанный труп, потому что просто ревнует к тебе инфанту!

Эстрелладо задумался на несколько минут, затем произнёс сокрушённым тоном:

– Поймите правильно, отец, я не смогу это сделать. У меня не получится – сказать это. Простите меня.

Вместо ответа гость крепко обнял юношу, затем прижал его голову к своей груди. Его плечи предательски задрожали от этих действий, и он процедил сквозь зубы несколько выражений, вовсе не подходящих духовному лицу, а скорее уместных где-нибудь в кабацкой драке.

– Глупец, несносный мальчонка, я слишком стар и хитёр, чтоб мои молитвы могли помочь тебе, – едва слышно бормотал солидный мужчина, не зная, что ему делать с накатившими на глаза слезами. – А девчонки, что любит и ждёт тебя хоть из пекла, у тебя нет – так что шансов у тебя при таком раскладе никаких не наблюдается. Друзья же в таких делах либо бесполезны, либо всегда солидно опаздывают. Молись тогда сам – может, так оно будет вернее, чтоб случилось чудо, а то я сам не особо уже верю в чудеса, не то нынче время и место для них уже!

– Господь благ и человеколюбец, отец, он не допустит то-

го, чему не должно быть, — тихо сказал Эстрелладо, и Инквизитор мгновенно успокоился, поскольку в этот момент у него в голове возникла ещё одна интересная комбинация...

— Ты уверен? — с интересом произнёс он, полностью отстранившись и даже сложив руки на груди.

Сейчас Инквизитор напоминал не то довольного мартовского кота, не то глумливую пародию на самого себя, во всяком случае те, кто его знал чуть лучше собеседника, поняли бы, что от такого высокомерного выражения ждать хорошего трудно... Но Эстрелладо был слишком заторможен, чтоб догадаться об этом сам, и лишь спокойно кивнул в ответ на эти слова.

— А я вот — нет, — с апломбом безжалостного циника проговорил Инквизитор, назидательно подняв кверху указательный палец. — Интересные шахматы, верно?

— Я только в карты умею, — тоном школьника, не выучившего урок, проронил узник, потупившись.

— И очень плохо, — тем же тоном, но уже с некоторой издёвкой произнёс собеседник. — В карты лучше всех играет начальник преисподней, он и выигрывает всегда. Если останешься жив, в чём я лично очень сомневаюсь, не пачкайся об это занятие — погубишь не только себя, но и всех, кто с тобой, понял?

Эстрелладо покорно кивнул, скорее из вежливости, чем понимая на самом деле сказанное.

— Мне пора, — холодно бросил Инквизитор, отворачива-

ясь и неторопливо делая шаг к двери. – Плащ я оставлю тебе, здесь и так слишком неудобно дожидаться того, что ждёт тебя, – он как будто случайно помедлил у двери, будто сам чего-то упорно дожидаясь.

– Спасибо Вам, отец, – тем же тоном проговорил Эстрелладо, не шевелясь. – Простите меня.

– Не за что покуда, – тоном весёлого забияки обронил как будто помолодевший даже лет на десять гость и совершенно невозмутимо вышел прочь.

Эстрелладо почувствовал резкую, непреодолимую слабость – в голове всё поплыло, перед глазами и вовсе обозначился белесый густой туман, и он сам не заметил, как опрокинулся на бок и провалился в тяжёлое забытие прямо на каменном полу. Он и после не ощущал, как Педро уложил его на постель прямо в плаще гостя и тщательно закутал одеялом сверху. Честный тюремщик был очень рад полученным золотым монетам, а того больше – приказу больше ни под каким видом не укладывать узника на растяжку, не говоря уже о чём-то другом в этом роде, а в случае чего неподвижного – сообщать теперь куда и кому следует. Он раздумывал своим затвердевшим за годы профессиональной деятельности умом, что могло значить то, что ему удалось подсмотреть нынче, ведь профессиональное чутьё упорно диктовало, что об этом не следует распространяться вовсе никому. Великий Инквизитор вышел из камеры походкой полководца, только что одержавшего блистательную победу, весе-

ло размахивая чётками над пальцами, и проворчал в пустоту, ни к кому не обращаясь:

– Е восемь, господин Пилат, нам ещё нужны такие мальчишки, верно? Так подсуетитесь уже!

II

– Ваше Высочество, не извольте сумлеваться, всё сделано в наилучшем виде, в готовом к употреблению Вами, о несравненная! – подобострастный голосочек Санчо отдавал насмешливой ехидцей, и уж не приходилось сомневаться, что он сумел извлечь из своих слов и действий максимальную выгоду. – Если желаете, за небольшую приплату я могу организовать Вам встречу с этим арестантом в помещении с повышенным комфортом или просто улучшить обстановку этой камеры на нужное Вам количество времени – и Вы можете быть уверены, что до означенного час Вас никто не побеспокоит! Кроме того...

– Заткнись, негодяй! – хладнокровие инфанты тоже имело свои пределы... – Мне вовсе не нужны твои дополнительные услуги и реклама твоей корпорации. Тебе оплатили заказ – изволь быть доволен!

– Принцесса, я не просто разнорабочий и тюремщик, но ещё и палач, по основной специальности, к Вашему сведению, – холодный тон простолюдина стал мгновенно столь великосветским, что не приходилось завидовать тому, в чьи глаза сейчас смотрит этот прохиндей. – А сколь высоко ценят свою жизнь и шкуру палачи – Вам известно, так вот я из тех, кому на неё совсем плевать, у меня есть другие интересы. Таким образом, в Ваших интересах сейчас не разоча-

ровывать меня, дабы не нужная Вашей репутации информация не понеслась сейчас над нашими головами со скоростью, превышающей скорость звука в вечернем небе. Понимаете? Кроме того, будучи идеалистом, я не очень ценю золото – когда его мне хватает, а мне его хватает на моей работе с моим отношением к жизни, Вы это понимаете, и оттого оплата за качество моих услуг – о том, что оно высокое, я только что пытался Вас уведомить, но Вы меня прервали – оттого оплата будет иного рода, но более приемлемая для клиента, чем он сам может подумать поначалу. Вот так, – за дверь громко стукнули каблуки, должно быть, Санчо доказал, что умеет разводить политесы не хуже настоящих благородий...

– Ну что за нахал, просто диво какое-то, – по всей видимости, инфанта не только побелела от гнева, но уже начала раздумывать всерьёз, не перекупить ли ей такого ушлого кадра для себя, и заговорила нарочито холодно и спокойно. – В таком случае изволь сообщить, чего ты хочешь и за что конкретно.

– В данный момент, Ваше Высочество, есть все основания предполагать, что из-за известного нам с Вами арестанта идёт хороший торг где надо, верно? – с добродушием прожженного циника продолжил заливать Санчо. – Вы бы могли хорошо нагреть свои очаровательные ручки на этой сделке, а заодно и кинуть мне просимую мной подачку, даже не заметив этого. Я даже не возьму платы за этот совет, если Вы согласитесь.

– Тысяча чертей и сломанная палуба флагманского брига! – совсем не по-женски взывала наследница престола, очевидно, вне себя от изумления. – Так ты не ручку поцеловать мне хочешь, стало быть, дьяволёнок?! Ну, тогда выкладывай свои карты, мне уже даже интересно.

– Ну что Вы, Ваше Высочество, как я могу дерзать помыслить о такой милости, да и зачем она мне нужна? – Санчо усмехнулся уже нарочито глумливо, и Эстрелладо похолодел – этот разговор уже давно перешёл все возможные рамки дозволенного, и к каким последствиям он мог привести, было страшно даже подумать... – Я идеалист, и не приемлю несправедливости нашего грешного подлунного мира, – тут он ещё и слащаво вздохнул, явно издеваясь над собеседницей, – оттого и выбрал именно эту профессию из множества других вариантов. Вместе с тем я привык также учитывать интересы и других людей в тех комбинациях, какие мне выпадает наблюдать. Таким образом, общая выгода, и громадная, может состояться, если Вы, о несравненная, прекрасная и столь же мудрая, просто публично попросите короля о снисхождении к герою, что спас страну от пожирания иноземцами – этак Вы приобретёте любовь всех простолудинов в королевстве, и восхищение сильных мира сего. Тогда в дерьме, простите за выражение, будет уже не августейшая семья, оплатившая за честную службу чёрной неблагодарностью в итоге, а сам недотёпа победитель, не сумевший разглядеть своего счастья. А я буду счастлив от того,

что всё прекрасно закончится – ведь Вы после этого сможете выбрать жениха себе по вкусу, даже не оглядываясь на мнение отца, слишком серьёзна будет услуга, которую Вы ему таким жестом окажете.

– Уж не сделал ли тебя походя королевский шут, коль скоро ты настолько лезешь не в своё дело? – задумчиво произнесла принцесса ледяным тоном. – Предположим, я по какой-то причине не делаю этого шага, или он не имеет успеха – и что тогда мы выиграем, черепки?

– Если Вы не делаете ничего – всё летит к чёрту, но страдают Ваши интересы, не мои. Моя работа нужна везде и всегда, особенно во времена смут, резни и захвата страны соседями. Скоро произойдёт взрыв из-за инцидента с арестом известного нам новопожалованного гранда, это недовольство сметёт либо трон, либо монаршью семью. Вы можете оказаться даже крайней – скажут, к примеру, что без согласия любимой дочери король не стал бы предлагать её руку герою, а стало быть, скандал на её совести. Если Вы делаете такой шаг – то просто получаете возможность занять трон быстрее обычного вместе с тем кабальеро, который Вам понравится, ведь всех собак свешают на венценосца, допустившего этукую глупость – бросить в подземелье того, за кем пошла в бой целая нация, – голос Санчо напоминал сейчас интонациями скорее прожженного придворного, чем простолюдина. – Поверьте, Ваше Высочество, ситуация более чем напряжённая, толпы народа, требующего освободить узни-

ка, можно организовать уже за считанные часы. Разумеется, в этом случае народ получит только тело – и озвереет сразу так, что Варфоломеевская ночь в Париже покажется пустой безделицей, здесь кровь горячее и амбиции круче. И кто бы ни возглавил эту кашу – не будучи королевской крови, на троне он не усидит, соседи не дадут, Вы это лучше меня знаете. Что же касается моего происхождения, о котором Вы изволили осведомиться, то я действительно происхожу от кое-кого в шпорах и при шпаге, но это сейчас совсем неинтересно, мне думается.

– Ну, если ты столь умён, то должен тогда понимать, что я не могу тебе пообещать сделать то, что ты мне предлагаешь – хотя это не означает, что я вообще это не сделаю, – к инфанте вернулось её прежнее высокомерное жеманство. – Причина же в том, что я сама ещё не знаю, как будет вести себя в этой опере наш непредсказуемый герой – за этим я и здесь, так что засунь свои грязные намёки себе поглубже, понял?

– Ах, принцесса, разве одно обязано исключать другое? – слащавейшим тоном парировал Санчо. – Лучшие слуги – бывшие враги, обласканные женщиной, разве не так?

– Тебе не кажется, что ты уже слишком болтлив? Женщина имеет большее право совершать глупости – например, прикончить того, кто ей не нравится, верно? – вернулось также и недовольство...

– А будущая королева не имеет права на ошибку, верно? –

прошелестел Санчо уже почтительно и гораздо тише. – Особенно, если она – самодержица...

– Хорошо, ставки сделаны. Пропусти уже меня к этому анти-Парису, а там будет видно, – холодно усмехнулась инфанта, и из-за двери донёлся резкий щелчок веера.

– Извольте, Ваше Высочество, извольте, сей момент, буквально секундочку, – нарочито вежливо заворчал Санчо, истоково гремя ключами.

Эстрелладо поспешил занять позицию под оконцем, будто разговор его вообще не касался, и слышать оттуда он ничего не мог. Обдумывать услышанное вовсе не хотелось, настолько ватной была сейчас голова. Наверное, он действительно устроен так, что не может жить без того, чтоб каждую ночь смотреть на звёзды, а полумесячное существование среди холодного камня даже без солнечного света сломало его настолько, что всякий интерес к жизни начал быстро угасать. Последние два дня после визита Великого Инквизитора он и вовсе пролежал пластом, почти не шевелясь, и это уже было трудно списать на незаживающие раны, полученные сразу после ареста. Предстоящий визит инфанты вызывал внутри только растерянность от неспособности толком воспринимать реальность – и, как ни странно, ни одной, самой завалящей эмоции не трепыхнулось в груди. А ведь, следуя банальной логике, как раз множество и разнообразие эмоций должны были мгновенно вспыхнуть и даже передрались между собой, это мозг понимал вполне ясно. Зна-

чит, что-то сломалось в душе, наверное, уже непоправимо, жаль...

Дверь наконец перестала натужно скрипеть и смачно захлопнулась, пропустив гостью. Её Высочество была ослепительна в нежно-белом перламутровом дневном туалете, и её присутствие наполнило камеру как будто лунным сиянием в летнюю ночь на берегу моря. Она остановилась посреди помещения, ожидая, пока глаза привыкнут к полумраку, и царственным жестом поправила причёску. Будь Эстрелладо более опытным в альковных делах мужчиной, он бы уже по достоинству оценил этот жест и даже воспользовался этим приглашением, чтоб подойти самому и с поклоном поцеловать что подставят под губы... Но тупая нудная боль от ран и придавившее его равнодушие к жизни сделали своё чёрное дело – шевелиться ему страшно не хотелось, и намёк не возымел вовсе никакого действия, что немало покорило принцессу, ничего не знавшую о ранах и пытках, да и знать особо не желавшую до нынешнего дня. Он сидел, закутавшись в плащ Великого Инквизитора, потому что очень страдал также от холода, и следы от побоев и пыток не были видны, а голова, чуть склонённая на грудь, прятала от свежего взгляда также покусанные губы.

– Я действительно тебе столь противна, что ты даже не хочешь поздороваться? – с вызовом произнесла гостья. – Или ты настолько плох, что не узнаёшь меня? – она приблизилась почти вплотную, поскольку близорукие глаза не оправдали

её ожиданий разглядеть всё как следует.

– Простите меня, Ваше Высочество, я просто не в лучшем виде, чтоб вести себя как следует, – вежливо произнёс Эстрелладо отчего-то сильно ослабевшим голосом. – Я рад, что Вы столь великолепно выглядите.

– Вести себя как следует ты никогда не умел, – металлическим тембром отозвалась инфанта. – Отсюда и все проблемы с тобой.

– Да, я понял, – он на мгновение слабо улыбнулся, но лучше бы и не старался вовсе...

– Разве ты способен что-либо понимать? – рассердившись, вспыхнула гостья. – В таком случае я жду объяснений – что тебя подвигло устроить скандал, из-за которого ты здесь?

– Я сорвался, – тихо сказал он прежним тоном. – Только и всего.

– Это следует понимать так, что ты сожалеешь о произошедшем? – с интересом осведомилась принцесса – ей показалось, что сейчас она будет выслушивать мольбы о пощаде, и с удовольствием приосанилась.

– Нет, сожалеть бессмысленно, – спокойно ответил он без всякого выражения. – Этим вряд ли что-то поправится или изменится.

– Ну и наглец, – по-прежнему с интересом произнесла она, но уже с гневными интонациями. – Так значит, ты продолжаешь упрячиться?

Эстрелладо стоило больших трудов отрицательно замотать головой, и он расстроился, заметив, что теряет силы – он полагал, что их вполне достаточно для всякого разговора...

– Мне жаль, что я обидел Вас, Ваше Высочество, поверьте, – постарался проговорить он как можно более внятно. – Но я уже ничего не могу изменить. Если можете, простите меня.

– И это всё? – с немалым удивлением и апломбом повелительницы пожала плечами инфанта. – Ты больше ничего не хочешь сказать разве?

– Я ведь не знаю, что Вы хотите услышать, – он сказал это без всякого выражения, но она отчего-то услышала в этом усмешку.

– За что ты меня так ненавидишь?! – она начала частить, как рассерженная кокетка. – Что я тебе сделала такого, что ты так полон злобы, а? – она с чувством резко уложила обе руки на талию и почти нависла над ним, так что её наполовину открытая грудь заметно вздымалась над его лицом, а боа почти не прикрывало её. – Ты только и делаешь, что постоянно унижаешь меня!

– Это не так! – вне себя от изумления почти выкрикнул Эстрелладо, чуть подняв голову. – Мне это совсем не нужно, Ваше Высочество!

Принцесса полыхнула столь ярким румянцем, что даже полумрак камеры не смог его скрыть.

– Чего? – она заметно осеклась от возмущения, по-сво-

ему поняв его слова, и плавным движением правой ладони крепко схватила его волосы, стремясь, как видно, пресечь возможные попытки уронить голову или отвести взгляд. — Ты что, помолвлен уже, что ли? Или пообещался какой-нибудь девке и теперь строишь из себя беленького, а?

Эстрелладо настолько не ожидал этого маневра, что натуральным образом остолбенел, ошалело уставившись на гостью широко раскрытыми глазами. Будь он постарше или поопытнее, он бы уже сообразил, в чём дело, и хотя бы для приличия сделал бы хоть какое-нибудь движение рукой, а то и двумя.

— Нет, но отчего Вы спрашиваете сейчас? — полным удивления голосом наконец проговорил он, не шевелясь.

— Ты или круглый дурак, а вроде не похоже как-то, — тяжело дыша и растягивая слова, проговорила инфанта, приблизившись к лицу узника настолько, насколько позволяло ей платье, — или насмехаешься надо мной, прикидываясь идиотом... — она помолчала, повнимательнее заглянув в глаза юноши, затем вспыхнула уже яростным недовольством. — Встань уже, невежа, хватит испытывать моё терпение!

Эстрелладо покорно кивнул и взялся исполнять указание, но это оказалось не столь легко, как ожидалось, и удалось лишь с четвёртой попытки. Инфанта отпустила его волосы и молча наблюдала за ним, с неослабевающим интересом и застывшей полуулыбкой на губах. Если бы она догадалась подать ему руку, растущее с каждой секундой фатальное

непонимание удалось бы потом быстро уничтожить. Он бы не придавал особого значения маневру с волосами и не почувствовал себя после в роли товара на невольничьем рынке – пока он старался выпрямиться, в спине трижды стрельнуло огненной болью, так, что удержаться от крика стоило огромных трудов. Она бы не сочла эту его неуклюжую медлительность за попытку себя разжалобить и почувствовала бы, что ему действительно очень больно. Но этого не случилось – и люди, которые могли бы стать как минимум крепкими друзьями, довольно быстро оказались на совсем иных позициях... Эстрелладо был, как и полагается взрослому латнику, в свои восемнадцать уже полностью сформированным отличным экземпляром мужской породы, и, налюбовавшись за несколько секунд его мощной фигурой, девушка растаяла настолько, что с совершенно женским инстинктом и без всякой злобы в этом порыве, игриво обхватила его правой рукой за талию... По всей видимости, дело бы закончилось весёлыми улыбками как минимум, а то и рождением пары приятелей по детству. Но это движение причинило столь сильную боль не восстановившемуся от пыток телу, что сил повести себя галантно у молодого мужчины уже не осталось.

– Какого чёрта.., – прохрипел он, прикрыв глаза и силясь не задохнуться, – оставьте меня, инфанта.

Принцесса, по-прежнему не понимая истинной причины его поведения, в сердцах быстро прибрала пальцами левой руки веер, что болтался у нее на запястье, и жеманным дви-

жением кокетки хлестнула им по лицу юноши. К несчастью, удар пришёлся верхним краем веера и именно той стороной, что была отделана слоновой костью – в результате от губы до середины подбородка образовалась глубокая ссадина, резко наполнившаяся кровью... Принцесса испуганно воззрилась на творение своих рук и уже хотела что-то сказать, но слова очень некстати завязли у неё в горле, когда она наткнулась на уже вполне себе недобрый взгляд Эстрелладо.

– Наигралась, озорница, может, хватит уже? – холодно процедил он, пытаясь языком унять кровь. – Только больно и научилась делать за все эти годы, стало быть...

– Я не хотела, – тоном провинившейся школьницы промямлила девушка, без устали хлопая ресницами.

– А кто приказал, чтоб у твоих гостей не было сердца? – ледяным тоном прошипел юноша, резким движением сбрасывая с талии её руку. – Стало быть, я тебе и не нужен на таких условиях, верно? – он зажал рукавом рану и осторожно прислонился спиной к стене, очутившись теперь в пол-оборота к собеседнице. – Так что удивительного в том, что я отказался, соблюдая твои интересы?

– Эстрелладо, – неуверенно начала она и умолкла, встретив его взгляд, на мгновение полыхнувший прежним огнём, тем самым, что так интриговал её раньше.

Он как будто не отреагировал, пытаясь на деле промолчать, чтоб не сказать того, что хотел. Инфанта сейчас ничем не отличалась от себя прежней, как в пору их старой стычки

из-за мальчика-горбуна, кроме фигуры полностью созревшей девушки, и смотрела она так же обиженно, как и тогда. Но он был слишком уже взрослым, чтоб всерьёз обращать внимание на её формы как сейчас, так и вообще. А она вспомнила, как он сбросил её руку тогда, таким же взрослым жестом, когда объявил, что больше никогда не будет с ней играть, и бывшая белая ярость уже потихоньку начала подниматься из глубин её существа. Но его роскошное тело взрослого мужчины пьянило её в этой обстановке гораздо сильнее, чем раньше, когда они оба делали вид, что прошлое забыто, и чопорно раскланивались в общей суете дворцовых церемоний. Поэтому, как ей самой казалось, принцесса рискнула сделать ещё одну попытку к примирению, а в его глазах оказалось, что потребовала снова унижаться перед ней. На самом деле оба были правы, и если бы девушка всего лишь использовала свой искренний порыв для настоящей, а не ритуально-игривой ласки, примирение бы случилось само, незаметно для них обоих. Ему бы вполне хватило даже искреннего вопроса «где ещё больно?» и платка на свежую рану. Но к таким движениям инфанта не была приучена, а он был слишком раздосадован её внешним поведением, чтоб желать продолжения разговора вообще, и не дал ей никакой подсказки на этот раз, да и боль ему слишком мешала. В итоге принцесса жеманно топнула ножкой и произнесла тоном обиженной капризницы:

– Если б ты был моим, ничего этого бы не случилось!

– К счастью, теперь это уже исключено, – свистящим шепотом проговорил Эстрелладо, снова блеснув пламенем в глазах. – Увольте, принцесса.

– Я тебя заставлю пожалеть об этом! – прорычала та, мгновенно рассвирепев сверх всякой меры.

– Уже не привыкать, – ледяным тоном ответил молодой мужчина и отвернулся, прикрыв глаза.

Это движение дорого ему обошлось – дурнота резко усилилась, и он медленно осел по стене, поскольку подкосившиеся ноги подло отказались его держать. Раны на спине ответили целым залпом боли, и на пол Эстрелладо рухнул уже в обмороке. Этого инфанта не видела, проворно выбираясь из камеры, чтоб пронестись мимо Санчо со скоростью ветра. Но тот и не пытался преследовать её, поскольку предпочёл заняться узником, понимая, что это сейчас важнее. Аккуратно уложив обмякшее тело на постель и закутав одеялом, он проворчал достаточно громко, зная, что слышать его некому:

– Побрезговал, значит. Силён парень, силён. Сомневаюсь, что кто ещё способен на такой подвиг.

III

Ночь выдалась душной, муторной и с кошмарами. Эстрелладо снилась цыганка, объявившая в деревне о его неземном происхождении – ещё тогда он уголком сердца почувствовал опасность и затаился, уже жалея, что подал руку для гадания. Снова пережил, как тяжело было принимать свой новый статус, надевая пусть и прекрасную, но означающую конец детства, одежду посланника со звёзд. Право, на поле боя было проще – поднять падающий штандарт было скорее делом техники, и остальное тоже пошло без особого напряжения, врубаясь в рукопашную, он чувствовал себя спокойно, всегда чётко зная, какое движение сделать следующим... Он действительно воевал с улыбкой, не думая о грядущей минуте, потому что чувствовал, что делает всё правильно. А вот именно тогда, когда цыганка, закончив свой лицемерный монолог о необходимости говорить правду, потребовала сразу обрядить его в плащ со звёздами, он почувствовал фальшь и что-то очень скверное. Как в манерах балаганного шулера, у которого невозможно выиграть, принимая правила. Потом опять был кошмар с появлением родной матери – такого топтания грязными сапогами по его образу сыновьей любви потерпеть было просто невозможно, и реакция деревенских, прогнавших его, защищавшего ту, что сквозила в пред-рассветных снах, была для него страшным ударом. Эстрел-

ладо чувствовал, что в том ужасном инциденте, где он был вынужден играть, оказывается, отрицательную роль, немало была замешана та же цыганка, и так оно потом и оказалось. Именно она надоумила мать объявиться в лохмотьях, отговорив от намерения переодеться во что-то приличное... Да ещё и последний скандал с её же появлением и сообщением о том, что мать мертва – помнится, в голове слишком сильно полыхнуло что-то, напоминающее блики ожерелий, никогда они ему не нравились, эти блестяшки, оттого и носить он старался только один шар, а не всю нитку. Может быть, река вынесла их, и один из этих чёртовых шаров и был использован, чтоб вывести его из себя окончательно? Но они же не горели и не крошились под кузнечным молотом, что ещё можно было придумать, чтоб избавиться от них поскорее – кинул в воду, да и всё... Эстрелладо помнил, с каким облегчением он дышал после на мосту, когда ненавистные уже шары шлёпнулись в быстрый поток. До чего приятно перерезать повод, который тащит в преисподнюю. Так что же, старое проклятье вернулось, чтоб погубить его окончательно? Как обидно, ведь за окном август, его любимое время года, когда надо успевать набегаться по садам и наестся прямо с деревьев разного сладкого великолепия. Ну почему его не хотят оставить в покое, зачем опять эта глумливая личина цыганки с ледяными глазами приснилась? Хотели бы убить – столько возможности было на войне, зачем сейчас-то мучать этой духотой и болями, прикончили бы сразу.

Эстрелладо попробовал повернуть голову в другую сторону на подушке, но ссадина от веера инфанты отозвалась на это движение очень болезненно, и пришлось замереть в прежнем положении. Это уже было совсем мучительно – не шевелиться вовсе нельзя, а в другом положении боль от ран начинает пульсировать сильнее, и начинаются проблемы с дыханием. Отчего же так душно и жарко, ведь все полмесяца в этой камере холод был самым подлым врагом, проникающим незаметно? Молодой человек приподнялся на постели – пришлось подобраться сначала на боку, потом отжаться на локте – и с тревогой обнаружил, что перед глазами появилась какая-то нехорошая рябь. От намерения сразу встать пришлось отказаться, и только после трёх передышек удалось это сделать, да и то хватаясь за камни стены – будь они совсем гладкими, пришлось бы потерпеть неудачу. Наконец выпрямившись, стало ясно, что стоять без того, чтоб не хвататься за стену, не получится, да и голова очень подло перестала держаться прямо. Кажется, это всё-таки случилось – раны от пыток не зря отказывались заживать – лихорадке всё же удалось завладеть телом, и теперь действительно шансов дождаться чего-то хорошего не оставалось. Как жаль, казалось, что здоровья крепкого латника должно хватить ещё хотя бы на месяц. Эстрелладо прижался горячим лбом к каменной тверди, но не почувствовал никакого облегчения. Как же всё ужасно, он не боялся смерти, но очень хотел жить. Здесь было страшно, больно, но все две с лиш-

ним недели его не покидала надежда, что удастся дожидаться хоть какой-то перемены к лучшему. Если же придётся умирать — то казалось, что это должно произойти быстро, как удар каким-нибудь клинком. Но вот так, задыхаясь неведомо сколько и раз от раза мучительней... это вызывало леденящий ужас, который пока Эстрелладо старался ещё не подпускать к сердцу, понимая, что это его единственный шанс остаться человеком, а этого он хотел больше, чем выжить.

Скрипнула входная дверь, и в камеру резво прошмыгнул Педро с новой корзинкой, торопливо поставил её на пол и быстренько подбежал к рослой фигуре молодого новопожалованного гранда, опытным глазом сразу заметив, что с ним неладно.

— Барин, что с тобой, тебе плохо, что ли? — с искренним беспокойством в голосе осведомился тюремщик и, не дожидаясь ответа, быстрым движением тронул пальцами лоб узника. — Ого, дело дрянь! — затараторил он совсем уже быстро и обеспокоенно. — Ты вот что, не расстраивайся, это даже к лучшему, сейчас вызовем лекаря, чтоб это дело зафиксировать, да не дальше завтрашнего успеем тебя отсюда в лазарет убрать, там тебе будет легче, не сомневайся. А я тебе сейчас вина с имбирём и перцем организую, полегчает быстро.

Эстрелладо не поверил собственным ушам — только что он был на грани самого тяжелого отчаяния, но сейчас ему подсказывали, что побороться за жизнь и честь ещё удастся.

Он повернул голову, хоть это и вызывало нехороший шум в ушах, и посмотрел на лицо говорившего, желая удостовериться, что он не бредит и происходящее – правда. По всей видимости, в его глазах при этом всё же отразилось выражение затравленного зверя, каким он и был уже на самом деле несколько суток, как ни больше, ведь сообщения о волнениях, которые вызвал его арест, лишь укрепили уверенность, что живым из этого переплёта уже не выбраться. Педро понял это по-своему и продолжил частить:

– Барин, ты не смущайся, если тебе плохо, говори, я помогу. Сегодня ж я начальник смены, идут все к чёрту в канун праздника, кому мы тут нужны с тобой ещё из благородий? Ты что, упасть боишься, так давай держись, я тебя к себе отведу, приведём тебя в порядок, освежим, дело житейское, – и он с непосредственностью простолудина подставил локоть, примериваясь к фигуре подопечного, и тут заметил на лице того новую ссадину. – А это кто тебя там, вчера, что ли?

Эстрелладо почувствовал, что его начинает мутить гораздо сильнее, и сдался.

– Да, мне нужна помощь, как ты и сказал, – прохрипел он чуть ли не шёпотом. – Действуй.

Педро оказался хитрее – или просто опыт профессионала в своём деле давал себя знать – и подхватил шатающееся тело так ловко и крепко, что идти было уже даже удобно, просто аккуратно переставляя ноги. Эта перемена подей-

ствовала очень благотворно – столько дней почти без движения утомили незаметно, но существенно, и сейчас кровь с восторгом носилась по жилам, радуясь жизни. Педро знай себе тархтел что-то про то, что всё ещё наладится, коль скоро Великий Инквизитор запретил пытать арестанта, значит, есть основания предполагать хорошее, так, что слух уже значительно притупился не то от его велеречий, не то от общей подлой слабости, почти не дававшей стоять на ногах и самостоятельно двигаться. Назвать происходящее иначе, как чудом, было нельзя – и после очень слаженной и плодотворной возни тюремщика с его телом Эстрелладо ни разу не пожалел, что разрешил позаботиться о себе. Горячий глинтвейн, которым хорошенько накачал его Педро, был явно не из дешёвого вина, и это тоже было по меньшей мере странно и уж подавно за гранью возможного.

– Так значит, это инфанта тебя там, да, веером, ха-ха! – весело гоготал Педро, чавкая, как подросток хряк. – Да-а, баба – она и есть баба, толку, что принцесса, правильно ты сделал, что отказался жениться на ней! Все они дуры, сами сначала в душу нагадят, а потом только зенками хлопают, мол, ни за что её, такую расхорошую, обижают грубияны, ага! Ха-ха, ха-ха, да им всем от нас одно надо, это ж известно давно...

Эстрелладо почувствовал себя гораздо лучше, когда подлый жар лихорадки отступил, но одновременно ощутил, что над ним, где-то над головой, собирается тьма – так же было

за несколько часов до тех печальных событий, которые знаменовали своим сверканием злополучные хрустальные шары. Даже чуть накатила тошнота, единственный раз и ненадолго. Педро, заметив, что подопечный снова помрачнел, сразу поспешил уточнить причину. Не зная, что ответить на этот раз, арестант заглянул в глаза тюремщику и вежливо спросил, чтоб перевести разговор на другую тему:

– Отчего ты так беспокоишься обо мне? Ведь я не сделал ничего хорошего лично для тебя.

Педро осклабился с явным удовольствием и с гордостью поднял палец к потолку.

– А вот ты и не прав. Сделал, и столько, что я буду скучать, когда мы расстанемся, – затем, позабавившись искренним удивлением собеседника, продолжил, в избытке чувств растопырив пальцы перед собой. – С тобой приятно говорить, даже помолчать в твоём присутствии хорошо. А что за публика у нас тут годами квартирует – тебе лучше и не знать вовсе, тот ещё разносорт гнилья. Я так хорошо себя даже в церкви не чувствую, потому что там всегда есть кому пялиться на меня и злобствовать.

Эстрелладо лишь тихо улыбнулся и промолчал. С подобными искренними порывами простолюдинов он сталкивался часто и знал, что в этом случае не нужно ждать подвоха и мести за то, что услышал однажды подобные слова. Но ощущение опасности усилилось и даже перешло в резкие проявления дискомфорта – за воротом как будто вынырнули чьи-то

острые и узкие когти и впились в шею. Так не бывало даже перед самыми кровопролитными и опасными драками, где смерть дышала со всех сторон.

Стук копыт, который не понравился им обоим, и грохот подъезжающего экипажа раздался где-то через четверть часа, и Педро, высунувшись в окно, с неудовольствием при-свиистнул:

– Этого ещё не хватало, не было печали, так черти нака-чали! Придётся, барин, спрятать тебя в камеру, не нравятся мне эти гости... тем более что в праздник явились.

В темноте, царившей в камере, стало ещё хуже – воздух как будто отказывался попадать в лёгкие, и тот, кто полмеся-ца назад был пышущим здоровьем и силой восемнадцатилет-ним красавцем, почувствовал себя былинкой, растоптанной каблуком сапога. Всё ясно, это потому, что я не вижу неба – ни звёзд, ни даже солнца, пришла унылая мысль. А ведь сего-дня праздник Преображения Господня, самое красивое небо в году. Наверное, Педро и хотел устроить мне что-то вроде прогулки – похоже, его проинструктировал Великий Инкви-зитор на сей счёт. Нематериальные когти за шеей так и не ис-чезли полностью, и, когда Эстрелладо снова обратил внима-ние на их существование, откуда-то из небытия или же пе-лены потёмок раздалось тихое шипение: «Неба ты больше не увидишь!» Лихорадка, решил юноша, обхватил ладонями виски и сконцентрировался на молитве. Сейчас это было от-

чего-то сложнее обычного, но хотя бы отвлекало от кошмара полностью.

Закончить он не успел – дверь отворилась слишком проворно, хоть и со скрипом, что указывало на то, что посетители будут не из приятных. Их было трое, крепких парней в тёмной одежде без всяких знаков различия, и узник инстинктивно повернулся спиной к стене, почувствовав угрозу. Один из пришельцев прорычал низким неприятным голосом:

– Пойдёшь с нами, шевелись уже.

– И кто вы такие будете? – ровным голосом осведомился Эстрелладо без всякого выражения, но отчего-то сложив руки на груди.

– Не твоё дело, – хмуро ответил другой. – Двигайся, тебе говорят.

– И не подумаю, – холодно усмехнулся юноша. – Я не подчиняюсь приказам кого попало. От чьего имени вы явились, извольте сообщить.

– Вот же упрямец, – фыркнул первый. – Ну так пойдёшь поневоле, раз такой капризный.

Эстрелладо успел примериться и среагировать – трое, всё же, не пятеро, и можно было прорваться к выходу даже не смотря на то, что у двоих оказались кастеты, но на пороге его догнал удар не то кистеня, не то чего-то подобного... как назло, по спине, по самой больной ране... Крик гулко отозвался в коридоре, а тело грохнулось на каменный пол,

и подбородок не удалось приберечь. Больше времени и шансов не выпало – и его потащили куда-то очень быстро, нарочито грубо выкрутив руки. Как долго тащили и куда – понять было невозможно, да и не хотелось об этом особо думать вообще. Только когда тело небрежно снова швырнули на пол, отпустив, стало ясно, что как будто в помещении есть какое-то вполне сносное освещение. Инстинкт диктовал, что проявлять самостоятельность не нужно и опасно, и пленник не стал шевелиться.

– Вот он, идти отказался, – проворчал кто-то из ловких исполнителей.

– И правильно сделал, – раздался чей-то рафинированный смешок. – Теперь поставьте его на ноги, а то ещё разговаривать откажется и тоже будет прав.

Это было сделано хоть и грубо, но без особой жестокости, однако боли во всём теле успешно превратили процедуру почти в пытку. Когда чужие руки наконец отпустили его совсем, Эстрелладо открыл глаза, что были инстинктивно прикрыты, и его взгляд присутствующим не понравился. Помещение оказалось ничем иным, как залой для допросов с пристрастием. Но удивляло не это, а то, кто оказался сейчас на месте тех, кто приказывал исполнителям. Де Солер и инфанта собственной персоной, даже без сопровождающих слуг. Эстрелладо небрежным жестом сложил руки на груди и нарочито спокойно уставился на них. Принцесса была в лазурном платье для вечернего бала и выглядела

совершенно нереально в отсветах факелов и жаровень, да и глаза у неё казались почти чёрными, на фоне её светлых волос и бледной кожи это резко бросалось в глаза. Перламутровая накидка на этот раз скрывала надёжно все девичьи прелести и драгоценности на шее и груди, так что вряд ли их хозяйка собиралась быстро покинуть тюрьму, ведь она не забыла даже надеть перчатки, об них здорово доставалось сложенному вееру. Де Солер смотрел, как всегда, с осторожным любопытством, и больше ничего нельзя было прочесть на его заострённом, куда не кинь, лице. Он будто жалел, что теряет время, собравшись на деле на охоту, да и стоял на непредсудительном расстоянии от дамы. Уловив на лице арестанта высокомерное «какого чёрта?», кабальеро вежливо кивнул ему и произнёс ровным светским тоном:

– Приветствую тебя, де Астерос. Прости за беспокойство, но я подумал, что было бы неплохо как-то выправить ситуацию, из-за тебя и так уже много шума и волнений.

– И каким же образом? – холодно поинтересовался Эстрелладо, не шевелясь.

– Ну, это вы с Её Высочеством решите, я полагаю, – невозмутимо пожал он плечами, и по его чёрным томным глазам было вовсе не понятно, в каком смысле стоит расценивать эти слова. – Моё дело – предложить попробовать.

Эстрелладо ответил тем же жестом:

– Я ничего не имею против вообще, но вот детали следует обговорить на берегу.

– Вот и славно, – с удовольствием кивнул де Солер. – В таком случае я удаляюсь и желаю вам успеха, я и так уже слишком опаздываю.

Эстрелладо мог ожидать чего угодно, но не такого поспешного исчезновения человека, который как будто являлся кавалером инфанты, и вроде бы не питал никаких хороших чувств из-за этого лично к нему, во всяком случае, пытками в камере сразу после ареста узник был обязан как будто его людям. Однако то, что не было нигде видно Педро, намекало на то, что как раз этот почти мгновенный уход со сцены – ну что он такого страшного увидел в моих глазах, выцвели они из зелёных в серые в этой темноте, что ли – как раз и намекало, что дело, кажется, дрянь. Юноша попробовал выпрямиться ровнее, опустив руки вдоль тела, но даже это движение отозвалось резкими болями, и это помешало ему радушно улыбнуться принцессе, однако, как оказалось, всё это он задумал зря...

– Взять его! – прогремело металлическим тембром вдруг сразу же, и чужие злобные руки мгновенно выполнили приказ, потащив тело к растяжке и на ходу срывая рубаху.

Всё произошло так быстро, что не мешай пленнику постоянная боль в разных местах тела, он бы всё равно не успел ничего сказать или крикнуть. Когда же щёлкнула последняя застёжка на цепи, принцесса уже приблизилась настолько, что оборки платья коснулись колен, а волна резких духов обдала шею. Эстрелладо с трудом выдохнул и посмотрел

на лицо девушки. Оно как будто было высечено из мрамора, и оставалось бы свежим и прекрасным, как сама юность, кабы не хищное выражение полуоткрытых губ и очень пламенный взгляд по-прежнему тёмных глаз.

– Камилла, – тихо и спокойно произнёс Эстрелладо, пытаясь сладить с болью и стерпеть те мучения, что причиняла растяжка, – прости меня. У меня лихорадка и очень болят раны. Не надо, прошу тебя.

– Просят не так, – усмехнулась она с каким-то липким сладострастием. – Да и поздно, невежа.

– Зачем это тебе? – спросил он с тихой печалью в голосе. – Я никогда не желал тебе зла, но что ты потом будешь делать, ты ведь станешь королевой. Остановись – для себя, не для меня.

Принцесса как будто стала темнее – а может, блики от пламени портили её недвижимое лицо, на котором не отразилось никаких ещё эмоций, кроме мрачного торжества...

– Тебе не кажется, что ты не тот, кто смеет мне указывать, что делать? – в её металлическом тембре загрохотало уже что-то совсем грозное.

– Камилла, – он говорил уже с трудом, хотя по-прежнему ровно и спокойно, – мне слишком плохо, чтоб играть в такие игры. Пощади меня, пожалуйста. Не нужно, всё кончится очень скверно.

Он не видел, что она уже отдала жестом какой-то приказ в сторону тем, кто оставались здесь и, похоже, совсем не ин-

тересовались разговором. Боль нарастала, начиная слепить и растаскивать тело на кусочки. Голову уже невозможно было держать ровно, и она завалилась на грудь. Хоть бы отключиться тогда скорее, что ли, мелькнула слабая мысль. Но этого не случилось даже тогда, когда калёные прутья сомкнулись у него на талии... Как ни странно, закричать не удалось, но Эстрелладо очень удивился тому, что он ещё жив и в сознании – всё прочее поблекло, прошлое и всё, что существовало за пределами этого ада, перестало существовать. Сердце и кровь грохотали так, как бьёт об скалы девятибалльный шторм, и было удивительно, что они не остановились до сих пор. Когда адская волна схлынула наконец, оставив ожоги пылать и позволив хоть как-то вздохнуть, юноша почувствовал сквозь гарь от сожженной плоти, что происходит что-то ещё, а именно – его подбородок чем-то поднимают вверх. Пальцы в белой перчатке, надо же – а какие у принцессы глаза пылающие, уже не злые, кажется, но с интересным выражением, и язык по губам у неё скользит явно не просто так, экая выискалась весёлая кошка, ага.

– Я говорила тебе, что ты пожалеешь, чему ты удивляешься теперь? – интонация капризного ребёнка, всего лишь, она что, вообще не понимает, что причинила? Боль же не проходит, вовсе, если убрать прут...

Эстрелладо с трудом вздохнул, но произнести спокойно слова у него получилось ещё...

– Я мог бы сделать всё, что желаешь, и даже был

не прочь, – с жалящей грустью сказал он. – Но теперь просто не смогу, вот чего ты добилась, дуручка.

– Может, повторим, раз ты так упрям теперь? – она произнесла это медлительно, с придыханием, и тут мозг пронзила догадка – это выражение лица и глаз, да, оно же всегда бывало у деревенских девок на сеновале во второй части свидания, перед самым последним всплеском...

– Дура! Идиотка уродливая! – вскрикнул он в гневе, уже не замечая, что дышать стало гораздо тяжелее. – Ты всё равно меня уже не получишь, поняла?! Даже если ты меня прикончишь, твоим я уже никогда не буду!

Как ни странно, она не среагировала сразу на слова, на которые весь её характер повелевал обидеться – на самом деле она столь нуждалась в паузе, что ей было не до того. Он не знал, радоваться ли тому, что это дефиле сладострастия, которое он был вынужден наблюдать, разбудило в нём нешуточный гнев – с одной стороны, это чуть притупило восприятие адской боли, с другой стороны, было противно до омерзения.

Принцесса очнулась только через несколько минут – глаза заблестели радостным блеском, губы так и норовили сложиться в безмятежную улыбку. Эстрелладо про себя с удовольствием вспоминал самые грязные кабацкие ругательства и молчал, скривив губы в презрительной гримасе. Он мечтал исчезнуть отсюда сейчас каким-нибудь образом – он с тоской понимал, что рассчитывать, что теперь она его оставит в жи-

вых, после того, как он дважды видел, как она потеряла контроль над собой настолько, не приходится. И понимал, что этим мечтам так и суждено остаться мечтами, а сейчас будет продолжение только что пережитого ада, только сильнее и страшнее. И не знал, что хуже – ждать, когда наконец ошибутся, дозируя пытку, или самому начать огрызаться, чтоб это случилось раньше. Он не хотел погибать по-прежнему, а того пуще – таким способом. Наконец глубоко вздохнул и решился.

– Я считал тебя человеком, Камилла, – сокрушенным тоном процедил он. – А ты им никогда не была и уже не станешь, как жаль.

– Тебе не кажется, что в твоём положении глупо говорить подобное? – съязвила она, но не смогла скрыть удовольствия в голосе.

– Ещё на мнение таких, как ты, я не оглядывался, – хмуро ответил Эстрелладо. – Пошла вон.

– Что? – инфанта была так потрясена, что даже не рассердилась. – Как ты сказал, повтори.

– Пошла вон, шлюха! – выкрикнул он и улыбнулся со всей желчью, на которую был способен. – Я тобой брезгую, поняла?! Ты обычная кабацкая дрянь, только в рюшечках и бусинках, ха-ха-ха!

Принцесса краснела, тряслась от гнева, но не могла поверить, что слышит это. Эстрелладо закончил презрительно смеяться и закрыл глаза. Повисла пауза. Инфанта с недоуме-

нием смотрела на него, очевидно, не в силах понять, как она могла дожидаться от него таких слов. Затем, приосанилась, вздохнув, и, воспользовавшись тем, что глаза пленника всё ещё были закрыты, потянула пальцы к застёжке на нательном кресте, и ловким движением раскрыла планки... Эстрелладо почувствовал только рывок, последовавший за этим, и не сразу понял, что остался с голой шеей. Однако инфанта с гордостью держала в кулаке украденный трофей, и улыбалась уже столь нехорошей улыбкой, что рисковать называть её человеческой, пожалуй, не стоило... Молодой гранд похолодел от ужаса и застыл с широко открытыми глазами, наблюдая это. Затем медленно уронил голову себе на грудь и тихо прошептал:

– Отец, Вы были правы. Она не человек.

Инфанта улыбнулась хищной улыбкой ещё раз, затем громко произнесла, прежде чем выйти прочь:

– Сделайте его стариком к утру, постарайтесь, вас учить не надо.

IV

– А этот кафир породистый, – прозвучало где-то совсем рядом, когда взрыв хохота после ухода инфанты стих. – Повезло нам нынче, славно позабавимся.

– Да уж, уделал бабу целиком – поди, плакать пошла, не иначе, – гоготал кто-то в ответ, но кто именно из трёх палачей что говорил, определить было невозможно. – Вообще редкое везение – разделать такого аристократа, как он.

Эстрелладо пытался надеяться, что он ослышался, но понимал, что это глупая надежда. Тем не менее, он рискнул заговорить сам, дабы ощущать, что хоть что-то может сделать, а не только способен висеть безвольной тушей на растяжке, забавляя мучителей своей беззащитностью.

– Я аристократом даже часа не пробыл, – усмехнулся он столь спокойно, будто говорил стоя в полном облачении, – так что зря решили радоваться. Кстати, может, договоримся, а? – сказал он уже почти великосветским тоном. – Много золота не дам, но вам хватит на раз, не сомневайтесь.

– Эге, да он ещё лучше, чем мы поначалу думали, – цокнул языком третий говоривший. – Аллах к нам нынче милостив, раз послал такую добычу.

Эстрелладо похолодел и стиснул зубы, чтоб не выдать своего страха – эти кадры точно заметили его неподдельное горе, когда принцесса сорвала с него крест, и оценили это впол-

не по достоинству. Значит, попытка и не могла быть удачной – но каким же надо быть циником и подлецом, чтоб иметь у себя таких слуг, а, де Солер? Так значит, Великий Инквизитор был везде прав, и враги одержали полную победу – ах, можно подумать, он мешал им чем-то, кроме своего существования... Почему же тогда они не хотят просто убить его, раз он их так раздражает? Эти дикари правы в своём ликовании – мучать христианина для них настоящая радость, но что за чудовища тогда под личиной человека инфанта и её кавалер?

– Называйте свою цену, поторгуемся, – будто ничего не поняв, прежним тоном произнёс Эстрелладо, не открывая полуприкрытых век, словно был совершенно спокоен.

– Ты не понял, неверный, – желчно усмехнулись где-то уже ближе. – Нам нужен ты, а не твоё золото. Деньги и сокровища на деле чепуха, сегодня есть, а завтра исчезли. А вот настоящий чистенький аристократ-христианин – вещь столь дорогая, что попадает в руки не каждый год и не каждую пятилетку.

– Одно другому не мешает, – холодно усмехнулся Эстрелладо. – Можете поиграться, пока вам доставят награду – и утешить себя всем сразу.

– Ты делаешь предложение так, будто хочешь обмануть нас и уверить, что ты плебей, это делает честь твоему уму, – весело и жёстко рассмеялись в ответ тем же голосом. – В таком случае ты ещё ценнее для нас. Хочешь, мы живо дока-

жем тебе, что ты настоящий гранд, а не просто воин, получивший титул за свои успехи или везение?

– Каким образом? – холодно процедил юноша, не зная, что ему делать с ледяной волной ужаса, методично подбиравшейся к сердцу – сил и средств удерживать её больше не наблюдалось...

– А мы предложим тебе обмен – мы не станем студить в твоей спине десяток прутков красного каления, а ты вылижешь нам сапоги, идёт? – прохихикал палач, явно очень довольный своей шуткой.

Эстрелладо сам не понял, откуда взялись силы, но рык от его проклятий раздался столь сильный, что эхо ощутимо прогулялось по всем сводам пыточной не один раз.

– То-то же, кабальеро, – слащаво прогнусавили в ответ, как будто даже радуясь услышанному. – Разве можно теперь сомневаться в твоей породе, согласишься? А ещё ты полностью прав, негодую на скверную девчонку, что отняла у тебя крест. Но мы тебе поможем, у нас есть, что тебе предложить соответственно твоему титулу, оно вполне достойно тебя, взгляни.

Пришлось открыть глаза, а это было не менее сложно, чем делать вид, что мучения от растяжки удаётся игнорировать... Ещё четверть часа, не больше, и она сделает его обмякшим телом, с которым можно делать что угодно, ведь лихорадка никуда не отступала вовсе, а тут ещё эти пытки железом... Но то, что пришлось увидеть, повергло Эстрелладо в ещё более страшное и сильное горе – пара смуглых рук ди-

каря держала перед его лицом серебряную нагрудную цепь с крестом, такие носят разве что герцоги в дальнем походе. С кого же этим прислужникам дьявола удалось её снять, и что они сделали с тем человеком?

– Нравится? – весело прогоготали над ухом. – Будешь хорошо смотреться в ней, да и для бача твои года ещё вполне подходят.

Эстрелладо почувствовал, как из глаз упали две слезы. Только не эта участь, лучше смерть в самых ужасных мучениях, но не быть инструментом для утоления похоти бесноватых зверей, ничего общего не имеющих с человеческим существом на деле...

– Нет, ему не всё нравится, – прокомментировал другой палач. – Украшение надо подкрасить над жаровней, тогда будет в самый раз.

– И верно. Давай её сюда, Ахмед, пусть наш кабальеро оценит вещицу по достоинству, чай, не подделку предлагаем, всё-таки.

От близости раскалённых углей дышать стало и вовсе нечем, но ужас от услышанного был сильнее, и пленник не мог отвести взгляда от креста, быстро раскалявшегося над огнём. Сердце, казалось, вовсе остановилось, не желая больше снабжать кровью тело, приговорённое к такой кошмарной казни. Когда металл побелел – это произошло довольно быстро, и цепь, висящую на щипцах, палачи начали медленно придвигать в голове, лёгкие, похоже, успели пропитаться

жаром от этого небольшого пекла. Голова юноши упала, бессильно повиснув, а глаза резко потускнели – он не заметил сам, как потерял сознание.

Потом были очень болезненные шлепки по щекам и мокрые волосы, вот только легче не стало, скорее, наоборот. Появилась резкая боль за грудиной, как будто туда уже воткнули ножик и повернули несколько раз. Хохот и переговоры палачей доносились как сквозь плотное одеяло, и мозг не различал, что говорилось и о чём – может, и к лучшему. То, что Эстрелладо замолчал, им явно не нравилось, и пара раскалённых докрасна прутков уже побывала на ключицах – от чего ещё можно ощущать, как их жжёт, было неясно. Кричать и вообще как-то реагировать сил не было, кажется, ещё хлестали чем-то по спине... Опять унижительные удары ладонями по щекам, мокрой тряпкой по лицу и шее, всё это слепилось в какой-то жаркий и душный ком, уничтоживший реальность и способность её воспринимать, самую возможность думать. Было лишь странно, что в этом царстве боли он ещё остаётся живым – и когда побелевшая цепь снова была придвинута к лицу, Эстрелладо опять провалился в черноту... Всё заново ещё раз – который раз уже, получается? Сердце ещё раз стукнуло, совсем тихо, и наступила тишина, в которой уже не происходило ничего, и блеск пламени жаровни померк, затянутый белесой пеленой.

А между тем в помещении начало происходить много чего

нового, просто безжизненно повисшее на цепях тело не способно было уже воспринимать что-либо. Цепь, снова раскалённую добела, так и не удалось надеть на шею пленнику и разместить её у него на груди, как очень желали мучители – просто потому, что тот, кто этим занимался, уже высунув язык от предвкушения удовольствия, вдруг уронил её себе на чресла – аккуратный удар кинжалом настиг его со спины, но именно на спину тело и завалилось. Двое подельников неудачника успели отскочить и даже попытаться атаковать гостей – но оставленные ими же кистень и прутки в руках разъярённого Педро свели эти попытки к нулю. Он ещё некоторое время с удовольствием демонстрировал, что «наука белых людей имеет явное превосходство над обезьянами, только и умеющими, что воровать и мямлить своё имшала», попросту кроша ими кости тех, кто посмел заниматься ремеслом палача без санкции на то самого Педро. То, что получить эту санкцию гости явно не могли, поскольку сам Педро был отстранён от должности приказом, привезённым де Солером, его явно не смущало – ведь сам документ уже был доставлен к Великому Инквизитору, который сейчас тоже находился здесь. И не просто находился, а уже хоть и быстро, но с величайшей осторожностью освободил от растяжки бесчувственного пленника и укладывал его на скамью для наблюдательниц за допросами, снабжённую добротными подушками. Педро сделал крохотную паузу, воздев вверх обе руки, чтоб громко произнести вслух:

– Дикие люди, вай. У белых христиан даже палачи знают, что некоторых экземпляров людской породы трогать вовсе нельзя, ни руками, ни чем другим. Просто нельзя, и всё, – и с удовольствием продолжил своё занятие по отлупу конкурентов по профессии. – Дурачье необразованное...

Великий Инквизитор был ещё подвержен эмоциям, как оказалось, и он в этом прекрасно убедился, с тревогой созерцая бледное, с тёмными тенями вокруг глаз лицо юноши и пытаясь понять, лежит ли тот без сознания или находится во власти бреда. Следы на теле указывали, что с такими болями мог быть и тяжёлый сердечный приступ, но вроде пульс не вызывал серьёзных опасений. Старый вояка извлек из кармана флакончик с гвоздичным маслом и осторожно взялся обрабатывать им раны узника – они вызывали тревогу, грозя в будущем осложнениями, если их оставить без внимания сейчас, и досаду – прошлый раз, в полумраке камеры, их наличие в таком виде прошло мимо внимания, очень нехорошо, а новые и вовсе доказывали, что дело плохо. Когда он уже заканчивал это занятие, раненый тихо застонал и чуть шевельнул головой на подушке – должно быть, тело, почувствовав, что жар отступил от него, вознамерилось вдохнуть наконец порцию воздуха.

– Эстрелладо, – глухим голосом позвал Инквизитор. – Очнись, Эстрелладо, это закончилось и уже не повторится. Слышишь меня, Эстрелладо?

Ресницы раненого заметно задрожали, губы шевельнулись – но и только. Стало ясно, что он слышал своё имя, но вернуться к реальности отчего-то не мог. Инквизитор воспользовался фляжкой со святой водой и осторожно влил несколько капель в раскрытые покусанные губы. Юноша издал громкий жалобный стон и приник губами к горлышку, оставалось лишь помочь ему напиться вдосталь, чуть придерживав голову.

– Эстрелладо, не бойся, открой глаза, ты в безопасности, слышишь? – в голосе Инквизитора слышалась вполне отеческая забота, но сам он этого не замечал. – Очнись уже, всё прошло.

Голова раненого вновь поникла, но веки наконец очень медленно стали раскрываться, и поначалу совершенно пустой взгляд заставил солидного мужчину пережить несколько очень тяжёлых мгновений. Затем тело дёрнулось на вдохе, и затряслось от приступа кашля. Потом совершенно бледные серые глаза потихоньку стали наливаться своим настоящим, зелёным цветом, и ещё через несколько секунд в них появился устойчивый огонёк, свидетельствовавший, что человек видит и осознаёт это.

– Эстрелладо, не волнуйся, всё уже в порядке, – продолжил не то увещевать, не то умолять Инквизитор. – Видишь меня? Скажи что-нибудь.

Глаза юноши приобрели вполне осмысленное выражение и даже полыхнули радостью, когда их взгляд остановился

на чёрном кресте тевтонца, висевшем на груди Инквизитора. Губы чуть шевельнулись, но и только, по всей видимости, говорить раненый всё ещё не мог.

— Бедный ребёнок, что ж они успели сделать-то с тобой, — сокрушённо пробормотал суровый мужчина, сам не думая о том, что говорит. — Всё, всё, больше тебя не обижают, верь мне, Эстрелладо, слышишь? — он осторожно взял в ладони голову юноши, так, будто хотел согреть его лицо, влить силы в эту столь слабую сейчас, но такую бравую всего полмесяца назад душу. — Держись, я тебе помогу, понимаешь меня?

В глазах молодого человека появилось выражение затравленного зверёныша, и он тихо застонал, как будто очень сожалел, что не может что-то сказать.

— Нет, нет, всё, Эстрелладо, всё, этого и остального больше не будет, не бойся, пожалуйста, — тем же тоном продолжил успокаивать его Инквизитор. — Всё прошло, всё, забудь об этом, это был кошмарный сон, ясно?

Губы раненого настойчиво зашевелились, и мужчина поспешил приникнуть к ним, чтоб услышать хоть что-нибудь. Тот, увидев это движение, явно постарался сделать над собой усилие...

— Отец, мой крест отняла инфанта, — эти слова срывались по одному, медленно и едва слышно, с надрывом, и мужчина чувствовал, с каким трудом даётся это молодому человеку.

— Ну, это поправимо, — ободряюще улыбнулся он и неспешно сунул руку в карман, извлёк оттуда мелкий рав-

носторонний серебряный крестик на цепочке, повторяющий собой формы того, что висел у него самого на груди, и осторожно надел на шею подопечного. – Только и всего, Эстрелладо, не горюй.

Юноша просиял такой ослепительной счастливой улыбкой, что появилось устойчивое ощущение, будто в помещении стало светлее и свежо, как на берегу моря. Он вздохнул глубоко и свободно, затем тихо вытянулся на ложе, как будто боли отпустили его везде и сразу.

– Спасибо, отец, – прошептал он и потерял сознание.

Инквизитор неспешно гладил ладонями светлые, отливавшие белым золотом волосы раненого, как будто у него в руках была драгоценность редкой красоты и колоссальной ценности, ну, что-то вроде индийского бриллианта, на который можно купить несколько кораблей. Не показалось, над лбом действительно образовалась тонкая прядь седины – в прошлую их встречу этого ещё не было.

– Бедный мальчик, да ты слишком хорош для этого мира, тебя нельзя оставлять в этих когтях, – с тихой светлой грустью проронил он, задумавшись. – Что ж, нужна ещё одна комбинация, и отчего бы не обнаглеть нам настолько, а? Жи пять – очень неплохой ход, хоть и нестандартный, верно, дон Понтий? Рискните уж!

– Мой барин будет в порядке? – с хмурой миной, но с совершенно детской надеждой спросил Педро, отвле-

кая немилосердно слугу Господа от крепких размышлений, и тот с интересом воззрился на честного малого, на лице которого ясно читалось, что за того, кто лежал сейчас без сознания, но с ясной улыбкой, он готов собственноручно разорвать столько врагов, сколько потребуется, и даже с прибавкой.

– Ммм, – с интересом отозвался Великий Инквизитор, – ты сказал, что он твой барин, я не ослышался?

– Да, это так, – сурово насупившись, проворчал тюремщик. – Я сам так сказал и везде скажу. Как он? Я хочу, чтоб с ним было всё в ажуре, понимаете?

– Это хорошо, что хочешь и скажешь, – спокойным и уверенным тоном утончённого аристократа проговорил Инквизитор. – Пожалуй, ты бы мог ему и в самом деле помочь, это было бы очень кстати.

– Научите, – Педро застыл в почтительном поклоне. – За него я сделаю что угодно. И как угодно.

– Изволь, – пожал плечами собеседник и велел жестом подойти поближе. – Слушай.

По мере того, как тюремщик уяснял себе смысл сказанного, он приосанивался всё больше, и под конец пояснений на его лице поселилась столь довольная ухмылка, что кабы её могли видеть те, с кем из горожан ему приходилось когда-либо общаться, то каждый бы подтвердил под любой присягой, что никогда не видел Педро таким довольным. И уже не увидел бы.

– Эта пьеска – просто первый сорт! – в искреннем восхищении восторгался он. – И как раз для меня, всю жизнь мечтал отколоть номерок вроде этого! Вот спасибо, вот здорово, всё сделаю, в лучшем виде!

Ещё через двадцать минут Великий Инквизитор прошел через тюремный двор, бережно держа на руках завернутое в белые простыни тело Эстрелладо, укрылся с ним в чёрной карете без гербов и отбыл прочь в направлении, известном только ему на данный момент. Педро долго смотрел вслед, шепча молитву, а затем вернулся к телам пачачей-неудачников. Куда он дел их, не поинтересовался больше никто, а сам он не считал нужным кому-либо рассказывать об этом. Солнце катилось к зениту. Праздник Преображения Господня вступил в силу. Празднества в городе цвели пышным цветом, народ старался веселиться и надеяться на лучшее. Горькая участь молодого командующего армией, что спасла страну от захвата армией соседей, брошенного в подземелье за то, что отказался принять руку инфанты в качестве награды, не была в тот день предметом разговоров. Разговоры об этом снова пойдут поздно ночью, в кабаках и некоторых будуарах. Под утро в алькове инфанты де Солер найдёт среди разных прелестных вещичек одну, наличие которой повергнет его в такой шок, что он молча припрячет её у себя тайком от хозяйки, а она не обнаружит пропажи, решив, что по рассеянности спрятала нательный крест Эстрелладо в ка-

кой-то из дальних ларцов. Принцесса никогда не узнает, что довелось пережить вору как в момент кражи, так и ещё некоторое время спустя, и будет до конца жизни недоумевать, отчего и когда поклонник смог превратиться в ненавистника.

Поздно вечером, когда звёзды уже пышными гроздьями завешали весь тёмный купол неба, в кабинете Великого Инквизитора объявился прислужник и жестом привлёк внимание читающего господина. Тот жестом позволил говорить и приготовился слушать, отложив книгу.

– Там явилась какая-то чокнутая цыганка и уверяет, что ей необходимо встретиться, а в качестве доказательства принесла вот это, – на ладони старого монаха лежал гранёный хрустальный шар, совсем не похожий на те, что используют разного рода шарлатаны и дураки, всерьёз полагающие себя сильными магами. Вещица сияла в свете канделябров всеми цветами радуги и производила как будто самое приятное впечатление, и тонкая серебряная цепочка указывала, что предназначена она для ношения в качестве кулона или кольца. И спутать её с чем-либо другим тоже было невозможно – это были те самые украшения, которыми жители далёкого созвездия снабдили Эстрелладо и его мать. Великий Инквизитор помнил, как этот ребёнок пять лет назад вежливо отклонил его защиту, предпочитая выйти вперёд сам, как ни тяжело это ему было на самом деле. Мальчик и сейчас

не понимал, оказывается, что закончилась не пытка, а само пребывание в узилище, чем немало снова удивил Инквизитора уже после, когда очнулся от тряски в карете.

– Эту штуку заверни в тряпку и брось в дальнее отхожее место, – ничего не выражающим голосом сказал он прислужнику. – Цыганку сюда через семь минут приведёшь и будешь наготове за дверью. Пока всё.

Монах резво поклонился и кинулся выполнять указание. Уже немолодой воин в одиночестве приступил к приготовлениям к визиту гостыи – поверх рубахи под камзол была надета тонкая кольчуга, а в потайные карманы отправились стилеты. Ещё хватило времени на молитву, и, когда в дверь змеиной поступью прошмыгнула женская фигура, рослый мужской силуэт в белом плаще с огромным чёрным крестом, стоявший перед образом Мадонны в пол-оборота в входу в кабинет, обернулся к ней в ту же секунду.

Цыганка отшатнулась от этого движения, как будто её ошпарило невидимым глазу лучом, и задрожала на месте, пытаясь овладеть собой. В первый момент вообще казалось, что она приняла решение сбежать, но отчего-то не могла сдвинуться с места, где стояла. Затем стало заметно, что её сильно смущает тевтонский крест рыцаря, висевший на шее у хозяина кабинета – но наконец она кое-как выпрямилась и блеснула взглядом, впрочем, уже не содержащем положенного торжества и важности.

– Я пришла поговорить с тобой о звёздной миссии Эст-

релладо, – она постаралась произнести эти слова как можно пафоснее, но эффект явно был не тем, который она хотела произвести.

– Говори, только по существу и кратко, – спокойно кивнул Инквизитор. – Слушаю.

V

Цыганка тряхнула спутанной плетью волос, снова приосанилась, пытаясь сделать вид, что это ей вовсе нетрудно, и произнесла нараспев с дежурной балаганной патетикой:

– Эстрелладо был послан нам небом! Ты тоже знаешь это, архипрелат. Он должен стать королём, а не томиться в подземелье. Разве справедливо то, как с ним поступили после победы над врагом?

– Ничего нового ты не сказала, – холодно ответил Инквизитор. – Поясни тогда способ, каким он должен стать королём по твоей версии – вот эта деталь интересна.

– Способ был у него в руках, – с неудовольствием прицокнула языком гостя. – Жаль, что он выпустил его. Но всё можно поправить, если ты, великий и мудрый, убедишь мальчика взять свои слова обратно. Инфанта ведь хочет его – так что будет, кому и короля успокоить.

– Итак, по вашей логике площадных оборванцев, королём можно стать только через постель инфанты? – презрительно усмехнулся Великий Инквизитор, продолжая неподвижно возвышаться посреди комнаты. – Как глупо, учитывая, что он сделал для страны. Всегда полагал, что кухаркам место на кухне, и не дело их лезть в управление государством. Разве ты всерьёз хочешь поправить дело? Тогда зачем ты вмешалась в него, подтолкнув парня к скандалу?

– Он слишком умён, – спокойно взялась пояснять цыганка, и её ледяные карие глаза приобрели заметный жёлтый оттенок. – Если позволить ему взять власть законным путём самостоятельно, не женив на инфанте, он станет вовсе неуправляем.

– И кто же столь самоуверен, что берётся управлять этим умницей? – осведомился Инквизитор скучающим тоном. – Уж не ваш ли босяк Эрнесто, выгнанный лекарем с должности ученика за слишком липкие руки, мелкий трусливый кабацкий горлопан? А может, директор вашего бродячего балагана, которому вы прислуживаете всем гаремом, вместе со сладкой парочкой акробатов? Или вы столь спесивы, что думаете, будто ваш клоун с бреднями про город солнца, пьяница и весёлый идиот, всерьёз может привлечь внимание Эстрелладо? – он уже почти смеялся. – Ну так где же вы тогда шлялись полмесяца вместе со своим тупицей силачом и оборванками в цветных ленточках, почему не было сделано ничего, чтоб вызволить парня из застенка?

– А отчего за него не вступилась армия, которую он столь блестяще вёл в бой и привёл к победе? – вспыхив, попыталась парировать цыганка. – Разве не могли бы они высказать недовольство?

– Армия, в отличие от вас, мошенников, знает не только что такое дисциплина, но и уважает закон. Но вы же не шелохнулись даже, хотя ваших сил вполне хватило бы устроить обычный налёт или побег. Или вы умеете только отыг-

рываться на незащищенных нищенках вроде матери Эстрелладо, а на подстрекательство даже ради благого дела не способны? – он говорил убийственно спокойно, с явным налётом презрения.

– Если бы мы начали слишком рано, Эстрелладо бы не понял своей ошибки, и решил бы, что ему по-прежнему очень везёт. Пенять нам за это нелепо, ведь тогда его миссия была бы сорвана окончательно, – она говорила с явным неудовольствием, и жёлтый оттенок в её глазах чуть окрасился оранжевым. – Сейчас самое время, он выдохся без неба над головой и в состоянии воспринять все идеи правильно.

– Как любопытно, так в чём же состоит его столь сложная миссия, что вы не стесняетесь гнобить раненого ради верного восприятия каких-то идей? Стало быть, вас не интересует вообще, насколько сильно он страдает, или по-вашему, чем сильнее, тем лучше? – холодно усмехнулся рыцарь, разговаривая как будто без всякого выражения. – Чего и ждать от такого сброда, торгующего своей и чужой плотью, ага...

– Эстрелладо должен привести нацию к свободе, а это не делают оставшиеся чистенькими, – голос цыганки стал очень глухим. – Сложного в этом ничего нет, но мотивации без унижения не бывает. Коль скоро он такой гордый, что совершил эту глупость, отказавшись от руки инфанты, то тем жёстче ему придётся дать понять, что он должен выполнять указания.

– Так значит, искалечить парня для вас – тоже приемле-

мо? – холодно пожал плечами Инквизитор. – Вот так борцы за вселенское счастье человечества, вот так великие гуманисты...

– Жертвы в борьбе за свободу, равенство и братство – вещь необходимая. Что значит в сравнении с этим судьба единственного человека? Он всё равно умрёт – и не важно, если сразу после выполнения миссии.

– Итак, вы считаете себя вправе распоряжаться чужой жизнью ради собственной прихоти. А мнение парня, нужно ли ему всё, что вы хотите от него потребовать, вы спрашивать не намерены?

– Он явлен на землю ради исполнения своей миссии, поэтому его мнение не имеет значения, на деле. Если он заупрямится, то тем хуже для него, – мрачно усмехнулась цыганка. – Ты бы мог помочь ему понять всё это быстрее, архипрелат.

Великий Инквизитор сурово глянул на звёзды, как будто ярче загоревшиеся над планетой, услышав этот разговор, и проговорил по-прежнему спокойным тоном:

– Эстрелладо явился на землю для того, чтобы жить, как и все, кто послан Господом на эту землю. И не вы, не инфанта и никто вовсе не имеет права указывать, как ему жить и что делать. И тем более заставлять его выполнять чужую волю или прихоти. Он готов принести извинения, если их от него потребуют, но не намерен соглашаться на эту женитьбу. Может быть, для вашей миссии вы выбрали не того исполните-

ля? Полагаю, ваш якобы любящий всё и всех подряд туне-ядец Эрнесто с удовольствием бы взялся за неё, разве нет? Он такой пламенный радетель всеобщего счастья, такой умелец драть глотку, обещая всем светлое будущее, что эта кандидатура вполне логична, верно?

– Эрнесто бездарный военный, да и организатор никакой, поэтому ему никогда не достичь того уважения, каким пользуется Эстрелладо. Он годится только для красивой декорации, да и то, когда не знают, чем он занимался накануне, – с холодным спокойствием ответила цыганка. – Эстрелладо любят по-человечески, зная, что у него сильная и чистая душа, а Эрнесто лишь способен создавать некоторое очарование, да и то ненадолго. Так что выбор обоснован. Кроме того, мы собирались нынче как следует использовать Эрнесто, чтобы сделать его спасителем Эстрелладо, но оказалось, что парень исчез из тюрьмы. Где он?

– У тебя слава ясновидящей – разве тебе сложно самой выяснить этот вопрос? – холодно пожал плечами Инквизитор. – Значит, план состоял в том, чтоб заполучить в своё логово то, что оставят от бедолаги палачи-мусульмане? То, что они сделали бы его калекой, вас тоже не волнует, стало быть? Да, хорошее же счастье вы обещаете человечеству...

– Слава, да и обещания – лишь инструмент для извлечения выгоды, соответствие им на деле не нужная вещь, когда решаются текущие задачи. Не очень важно также, насколько бы его покалечили – коль скоро он не отверг титул, то по-

делом, аристократии не место в обновлённом обществе. Он ведь ещё не доказал делом, что готов сотрудничать – так что за беда, пусть учится ненавидеть.

– А если бы он отказался сотрудничать даже после того, как вы вздумали бы давить на него, уверяя, мол, один раз не считается? – Инквизитор по-прежнему не шевелился, но взгляд его стал заметно более резким, как не сказать – колючим... – Аристократы очень не любят лжецов и шантажистов, как известно...

– Думаю, способ уговорить мы бы нашли, – жёстко усмехнулась цыганка. – Ведь в противном случае ему пришлось бы умереть, неужели он глуп настолько? Впрочем, Эстрелладо бы и тогда послужил делу освобождения, быть может, даже лучше, чем став королём. Ну так где он? Хоронить тайно – большая глупость для того, у кого сейчас его тело.

– Думаю, там, где вы не достанете его своей заботой, – по-прежнему невозмутимо процедил рыцарь. – Кстати, спасибо за дельную мысль – король, посланный нам небом, это было бы очень неплохо для измотанной войной страны, очень неплохо... Особенно, когда после успеха вылезают разные подстрекатели к смуте – обычно проплаченные раздосадованным противником, чтоб лишить страну плодов победы. Сколько вам отстёгивает старая проститутка Париж, не поделишь корпоративным опытом? А то у соседей вы бы могли достичь успеха быстрее – какая разница, кто содержит ваш балаган, если он процветает.

– Нам хватает на жизнь, и можно было бы и принять твоё предложение, но на чужой территории нет Эстрелладо, и будет в итоге скучновато. Лучше отдай нам его – если хочешь всерьёз от нас избавиться. Если он уже калека, то интереснее было бы не возиться с ним тут, а вытащить его на свет где-нибудь на Сене, а если повезёт – то и на Темзе. Сам понимаешь, что для него так даже лучше в итоге, будет там почётным гостем, а здесь он преступник, оскорбивший августейшую семью.

– Считаешь меня настолько тупицей, что я стану доверять прихвостням отца лжи? Я не работороговец, в отличие от вас, и Церковь Христова своих не сдаёт, как известно, – снова без всякого выражения сказал Инквизитор. – Стало быть, дела ваши столь плохи, что по ним вас уже и узнают везде, так оттого вы и хотите прикрыться истерзанным телом Эстрелладо? Боюсь, что придётся вам обходиться своими силами – сделайте мучеником Эрнесто, докажите делом, что не щадите своих, этот же приём у вас действует безотказно, верно? Тем более, что вы от него явно не в восторге, как я понял. Пусть попадётся в пьяном виде роте Ногалиса – а дальше всё случится само, этот порох очень не любит, когда ему предлагают интим в обмен на побег. Дарю идею, безвозмездно.

– Подарок неплох, да вот Эрнесто не успеет сдать мне дела при таком раскладе, а я не все его связи с контрабандистами отслеживаю, и стабильность корпорации сильно пострадает, – недоверчиво покачала головой цыганка. – Заме-

ну ему будет трудно найти на первое время, тут не всякий карманник будет столь виртуозен, да и силач с акробатами без него перессорятся и приведут друг друга в непригодный к работе вид. Впрочем, если у тебя есть какой-нибудь молодой италяшка из полублагородных вырожденцев, желатель-но со смазливой мордахой и шрамами, способный простоять на арене десятков минут со шляпой – отчего нет, можно и по-думать. За пару декад они споются, я бы Эрнесто не знала, а после можно и поменять их в колоде.

– Замётано, завтра к вечеру к вам подойдёт голубоглазый колченогий паломник в рубище, представится Артуром, сы-ном аббата – только смотрите, чтоб его атеизм вас всех не по-корёжил, – жёстко усмехнулся Инквизитор. – Будет вас всех лечить байками, что вы жизни не нюхали, не сплавав в Но-вый Свет.

– Да плевать, хоть какое-то разнообразие. Кроме того, нет отбросов, есть кадры. Но всё же, что решаем по Эстрелладо? Разве не ты похитил его у нас из-под носа?

– Похоже, что Эстрелладо всё решил без нас, – с сожалением вздохнул рыцарь, как будто замаявшись. – Ничего не мо-гу сказать больше по этому делу.

– Как? Ты его не контролируешь разве? – невозмутимость наконец покинула собеседницу, уступив место искренней растерянности. – Ох, тогда к нему и впрямь будет очень тя-жело подобраться...

– В отличие от вас, я не покушаюсь на чужую свободу, –

ледяным тоном проронил рыцарь. – Это у вас кто не с вами – тот против вас, а у нас насилие никогда не приветствовалось и не будет.

– И кто мне это говорит, а?! – гостья заметно вспыхнула. – Ты, якобы по долгу службы кидавший борцов в костёр, ты, погубивший столько пламенных сердец, ты, столько совративший с пути!

– Борцов за право грабить и убивать нормальных людей – да, сжигал, – с ледяным спокойствием усмехнулся Инквизитор. – И дальше буду. Сердца, в которых ничего, кроме пламени злобы и насилия нет – да, разбивал, и сейчас могу, если что. Ну, а сдёрнуть человека с пути в ад – не только обязанность, но и благодарное в итоге занятие. Ты вот что будешь делать с черепками за свою работу, когда надоешь хозяину? Разделишь судьбу расходного материала или надеешься добежать до меня на исповедь? А если не успеешь?

– Отвали от меня со своей христианской добродетелью, мракобес! – взвизгнула цыганка, пытаясь скрыть брызнувшие вдруг слёзы. – Я сама разберусь, что мне делать со своей жизнью, без твоей помощи!

– Истерика – лучшее решение, когда нечего сказать? – рыцарь вдруг улыбнулся ослепительно, словно молодой кавалер на балу, выбирающий себе красавицу на вечер. – Начни ещё юбками крутить передо мной и станцуй позазывней, я тебе даже дам пару дублонов за честную работу – будешь всем после врат, что смогла лечь под меня, верно, ха-ха-ха! Какие

вы все скучные дуры, а лезете на должность идолов, – он произнёс это совсем великосветским скучающим тоном и добавил уже с презрением. – Ладно, ступай, нам запрещено метать бисер перед парнокопытными. Потомки разберутся, где кровь на руках лекаря, а где – на руках мясника. Не смею задерживать столь гордую вдохновительницу борьбы с цепными псами коронованных тиранов и ужасными чёрными султанами, – и вежливо улыбаясь, сделал галантный жест, указывая прочь.

– Ты редкий негодяй, Вальтер фон Цоллерн, – с ненавистью прошипела женщина, кусая губы. – Как бы я хотела увидеть твой труп, даже если мне придётся для этого...

– Ах, перестань, дурочка, знаешь, которая по счёту мне это говорит? Плетёшься где-то в хвосте второй сотни, так что не рискуй последним, товарки отпихнут, – весело расхохотался рыцарь лёгким тоном придворного сердцеда, чуть запрокинув голову вверх. – Ступай, не то ваш начальник балагана устроит тебе сцену ревности с плёткой и ещё будет в этом прав. А мне будет неприятно узнать, что тебе было больно, у меня слишком ранимая душа для этого.

– Ненавижу тебя!!! – прорычала цыганка севшим голосом. – Ненавижу!

– В том и разница – я предпочитаю любить, – с молодым задором отпарировал воин, продолжая ослепительно улыбаться. – Слабо, да? Вот потому ты и бесишься, зная, что радость тебе недоступна, оттого и хочешь уничтожить всякого,

кто не такое ничтожество, как ты. Пожалуй, я буду негодяем до конца – прослежу, чтоб тебя не трогали, и ты увидела крах всех своих попыток устроить ад на земле.

Цыганка попыталась собраться, глубоко вдохнула, чуть прикрыв глаза, и поспешила ответить:

– Мы отвлеклись от темы, отдай мне хрустальный шар Эстрелладо, и я уйду. Мне неприятно спорить с таким исчадьем злобы к простым людям.

– Простые люди зарабатывают себе на хлеб честным трудом, а это никогда к тебе не относилось. Уходи, я, право, не знаю, о чём ты изволишь упоминать – где нам, сырым и убогим, понимать движения души героев преисподней.

– Что?! – снова вспыхнула гостья. – Ты не вернёшь мне кулон Эстрелладо?! – её глаза снова приобрели нехороший лимонный оттенок. – Как ты мог похитить такой ценный артефакт, ты, крестоносный варвар, душитель культуры, ты...

– Пошла вон, помешанная, ты мне надоела, – полным презрения и скуки тоном аристократа, принявшего решения сыграть бессердечного индивида, сказал Инквизитор и повернулся спиной, давая понять, что аудиенция закончена. – Бабы всегда делают вид, что не понимают прямых слов, вон с глаз моих.

На самом деле он прекрасно понимал, что это вовсе ещё не финал встречи, и, ощутив удар и услышав звон лезвия, наткнувшегося на кольчугу, даже не улыбнулся. Он только вовремя сделал нужное резкое движение, и, когда он обер-

нулся полностью, рука цыганки, зажатая в крепком кулаке тевтонца, уже издала тихий хруст, и изящный кинжал с обилием многозначных украшений упал на пол с довольно громким стуком. И теперь это как будто нарочно замедлившееся для людей падение сопровождал полный искреннего изумления взгляд цыганки – такое неконтролируемое ею событие столь удивило её тем, произошло, что даже боль от переломов не смогла привлечь внимание хозяйки всерьёз. Затем она в полной растерянности подняла обиженный взгляд на рыцаря, который улыбался совершенно спокойной улыбкой, и далеко не сразу начала бояться. Но страх постепенно, хоть и медленно, взялся старательно проникать во всё её существо, и наконец заставил трястись всё её статное, но слегка миниатюрное тело крупной дрожью.

– И здесь ты вовсе не первая, – сиятельно процедил мужчина, по всей видимости, искренне веселясь. – На горе Броккен были три штучки помиловидней да покрепче тебя, а я был сонный, пьяный и со связанными руками. Результат примерно тот же, поняла, отчего мне с вами скучно? Не умеете чаровать, так не наряжайтесь ведьмами – слишком дёшево и кисло.

Женщина хотела что-то сказать, но осеклась и умолкла, а из глаз её закапали крупные слёзы.

– Что, решила отыграть весь набор сразу, ничего новенького так и не придумала? – продолжал улыбаться рыцарь, роня слова безразличным холодным тоном. – Или ждёшь, что

я брошу тебя в застенки и дальше по тексту тра-ля-ля, два берега у одной реки? И отчего до вас не доходит, что на деле вы просто не нужны никому со своими глупыми амбициями... Ну, хватит уже низкосортного фарса, ступай прочь. Развеешься с новеньким, не забудь, Артур, синеглазый точёный котик, тоже пламенный борец за идеи, тебе сойдёт вполне для утешения, – и он аккуратно отшвырнул от себя женщину. – Не такой тупица и грубиян, как Эрнесто, у этого даже образование законченное.

Слёзы у цыганки мгновенно высохли, она ухитрилась также не потерять равновесие, оставшись на ногах, хоть и пролетела солидное расстояние к самому порогу комнаты. Последний раз взглянула на собеседника, но взгляд, полный горькой детской обиды, оказался бесполезен – рыцарь уже отвернулся и двинулся к раскрытому окну. Августовские звёзды сияли яркими гроздьями, ничуть не затушёвываясь пламенем свеч канделябра, стоявшего на рабочем столе, и как будто подсвечивали жемчужным сиянием белый плащ тевтонца. Чёрный крест снова вызвал неприятные жгущие ощущения внутри у истово молодящегося женского организма, и цыганке показалось, что её вот-вот вытошнит. Однако она ещё несколько долгих мгновений поневоле любовалась рослой мужской фигурой, надеясь, что этого никто не видит. Затем с очень тяжёлым вздохом повернулась и побрела прочь, поддерживая здоровой ладонью кисть повреждённой руки.

– Астарта, Кибела, Изида, Иштар, Клеопатра, Мессалина, – тихо бормотала она себе под нос, поникнув головой, отчего её длинные волосы легли спутанной волной на лицо – кто там ещё нынче, девочки? Ну почему, почему они не подчиняются нам, в чём дело? Он так и не отдал нам Эстрелладо – неужели тот окажется таким же? Как же так, как же так... Отчего на них ничего не действует, а? Такие крепкие, сильные, породистые – и не наши?! Это нечестно...

Когда она ушла, Великий Инквизитор подобрал салфеткой с пола то, чем его пытались убить – уже и не упомнить, в какой раз снова... Хороший добротный кинжал из тех, что не у каждого уважающего себя торговца найдётся даже для высокородного покупателя. Не говоря уже об отделке. Одно травление на клинке, с длинной вязью фраз на древнем языке стоит немало, а уж рубины на рукояти были слишком крупны для многих известных на Средиземноморье сокровищниц. Ювелир пожалел камни – и не стал класть на них гравировку, вывел три шестёрки в треугольнике на планку из слоновой кости ближе к лезвию.

– Сила – последний аргумент тупиц, – холодно усмехнулся Инквизитор. – Как скучно...

VI

Комната, в которой разместили раненого, выходила окнами на юго-запад и была одной из самых лучших в особняке, хоть и не очень большая по площади. Кровать было приказано поставить напротив раскрытого окна – дабы он мог видеть звёзды и сколько угодно дышать ароматами садовых цветов. Это было очень кстати для стремительно всегда увядавшего без неба и воздуха Эстрелладо, просто, пока ему не довелось оказаться в подземелье, он не отдавал себе толком отчёта в этой опасной закономерности. А потом было поздно и тот факт, что парня не успели разобрать в пыточной на части дикие палачи-мусульмане, иначе как чудом назвать было просто невозможно. И хотя сейчас вроде бы жизни его ничего не угрожало, после стычки с цыганкой Великий Инквизитор чувствовал себя не очень хорошо, да ещё и мистическое чутьё после треволнений дня порядком разыгралось, а уж им пренебрегать и вовсе не следовало...

Войдя в комнату, он понял, что не ошибся. Раненый, похоже, тяжело бредил – а оставить это дело спокойно могли разве что циничные медики, полагающие себя умнее окружающих.

– Нет, вы ошиблись, ошиблись, я не с вами, ни разу не с вами, – горячим шёпотом твердил юноша, и его ресницы дрожали слишком сильно, как будто от того, что он не мог ме-

таться головой по подушке. — Уйдите, оставьте меня, отвяжитесь со своими указами, я не ваш. Я христианин, поймите же, наконец, тупицы. Нет, не пойду, не стану, и всё, — и он зашёлся в тяжёлом протяжном стоне, как будто его что-то очень сильно давило или терзало.

Инквизитор, осторожно, но быстро обхватил ладонями пышущие жаром виски больного.

— Эстрелладо, чем тебе помочь, скажи мне, скорее, — спокойным, но заметно участливым тоном сказал он, инстинктивно заслоня собой юношу от раскрытого окна. — Слышишь меня, Эстрелладо? Я с тобой, не бойся, скажи мне, скажи.

Воспалённые глаза раненого быстро распахнулись, но взгляд был вовсе не безумным, а только испуганным, как у загнанного в тупик слабеющего беглеца. Поняв, что уже не один, и узнав посетителя, юноша сделал рывок, как будто хотел броситься на шею мужчине, и тот, почувствовав это, аккуратно поймал ставшие почти хрупкими от хвори плечи и голову.

— Шшш, не пугайся, я смогу защитить тебя, — тихо и проникновенно говорил Инквизитор, ободряюще улыбаясь. — Что тебя тревожит сейчас, говори.

Эстрелладо дрожал крупной дрожью, как подбитый стрелой птенец сокола, и явно хотел прижаться сильнее к человеческим рукам. Он попытался что-то сказать, но рыдание вырвалось прежде слов и явно лишь прибавило страданий.

Рыцарь осторожно позволил прижаться к своей груди, следя, чтоб не потревожить повязки на ранах, и просто взялся успокаивать юношу, как это делают с малыми детьми, аккуратно поглаживая по волосам.

– Успокойся, всё хорошо, всё, не бойся ничего, ничего страшного не будет, всё позади, – тихо шептал он больному, ощущая раз за разом, что его собственное сердце начинает стучать, а точнее, даже ухать гораздо громче обычного. – Ты скоро поправишься, и потом забудешь об этом.

– Я... хотел забыть... – тщательно выговаривал Эстрелладо через рыдание и слабость, прижимаясь ещё сильнее к своему спасителю. – Они... опять. Не отдавайте меня им, отец!!! ... Я не хочу к ним!... Не хочу!

– Не хочешь – значит, так тому и быть, – рассудительным тоном вещал Инквизитор, как будто не сронив ни грана своего хрестоматийного хладнокровия. – Успокойся, Эстрелладо, не надо ничего бояться, не давай повода врагам ликовать. Ты вовсе не сломлен, просто немного устал и ранен. С каждым бывало, поверь.

Дрожь и рыдания заметно утихли, и старший воин с тёплой улыбкой заглянул в глаза молодому.

– Видишь, какой ты крепкий – сразу понял, о чём я. А ещё зачем-то сомневаешься в собственных силах. Да кто ж тебя может сломать, если ты сам этого не хочешь? Не печалься, ты выздоровеешь и будешь только сильнее – вот этого враги и боятся, уже сейчас. Это что, опять были злыдни со звёзд? –

и, увидев горький хлопок ресницами, улыбнулся уже гордо и весело. — Они уже проиграли, раз и навсегда, и сегодня окончательно. Я уничтожил шарик, оставшийся у цыганки, просто не успел тебе сказать.

— Почему они не оставляют меня в покое? — с жалящей горечью прошептал Эстрелладо искусанными в плену губами, дрожащими сейчас слишком заметно, и его глаза наполнились слезами. — Я погиб, раз они снова смогли достать меня?

— Какие глупости, Эстрелладо, ну с чего ты это взял? — невозмутимым покровительственным тоном старшего говорил Инквизитор, с нежностью поправляя растрёпанные волосы юноши, чтобы тот инстинктивно чувствовал себя под защитой. — Сделали попытку, ты её отбил — не из-за чего волноваться, всё как всегда.

— Я... меня раздавили там, в тюрьме... — в сильном отчаянии прошептал молодой человек и поник головой. — Я не могу больше бороться как раньше.

— Чепуха, ты просто моложе и неопытен, — сурово возразил Инквизитор, но улыбку не скрытал. — Ты не стал хуже оттого, что приключилось, выздоровеешь, и всё будет в порядке. Тебе здорово повезло, что тебя всерьёз не покалечили, но от той боли, что ты уже перенёс, можно было умереть трижды — так в чём несчастье, сетуешь, что тяжело? Это тоже пройдёт, уверяю тебя, и силы вернутся пуще прежнего, дай только срок.

— Я никогда не стану прежним, — горько вздохнул Эстрел-

ладо. – Это ведь невозможно.

– Это сейчас тебе так кажется. Потом ты даже внимания не будешь обращать на старые шрамы.

– Отец, они ведь... надругались надо мной, – совсем тихо произнёс юноша и упал на грудь своего защитника, молча заливаясь слезами. – Это было ужасно.

– Не подтверждаю, – лязгнул в ответ Инквизитор. – Нет следов, повадка у тебя не та, держишься ровно. По всей видимости, не успели – ты же не помнишь ничего такого? А вот напугать тебя могли – это они умеют виртуозно. Успокойся, обычно они не торопятся, и раз ты отключался, значит, всё чисто. Поверь, к этому делу они приступают, когда жертва вроде тебя в сознании, – сообщил он уже совсем ледяным тоном, помрачнев столь заметно, что посторонний наблюдатель, кабы такой сыскался, мог и похолодеть от ужаса. – А остальное – лечится, парень, просто чуток времени потратим.

Эстрелладо явно пытался овладеть собой, но сил ему по-прежнему не хватало, не смотря на всю поддержку старшего воина.

– Никогда не думал, что окажусь таким хлипким, – с горечью проговорил он. – Ничего не помню толком, только то, что было очень больно и жарко.

– Просто к палачам раньше не попадал, верно? – добродушно улыбаясь, проронил отеческим тоном Инквизитор, продолжая успокаивать раненого. – А помнить всё это

и не нужно. Помнишь, что ты мне сказал прошлый раз в камере?

– Нет. Я вообще потом отключился, потому что согрелся в Вашем плаще, отец.

– Вот оно что, хвалю за искренность тогда, – продолжил рыцарь вполне серьёзно – он немало удивился услышанному, но смог это скрыть. – Ты напомнил мне, старику, что Господь наш благ и человеколюбец, не допустит свершиться, чему не должно. Ну, так вспомни ещё, что Он никогда не посылает испытаний больше, чем сможешь вынести. Ты ведь хочешь поправиться, верно?

Эстрелладо покорно кивнул и отстранился, чтоб заглянуть в глаза своему благодетелю. Хотя с глаз его ещё падали крупные редкие слёзы, но искусанные потрескавшиеся губы явно старались сложиться в тихую улыбку.

– Отец, я, правда, уцелел там? Оно меня потом отпустит? Это не пустые утешения, верно?

Инквизитор аккуратно потрепал его по щеке и весело улыбнулся.

– Разве я похож на болтуна, сынок? Пусть глупые язычники выдвигают свои теории о неудачниках и невезении, а мы-то знаем, что испытания есть знак милости Господа. Конечно, уцелел, не то не таких речей бы я от тебя дождался, уж поверь моему опыту. Будешь крепче, вот и всё.

Эстрелладо тихо просиял, полыхнув на миг прежним огнём в глазах, затем сделал неосторожное движение корпу-

сом, видимо, желая выпрямиться или приосаниться, и скривился от резкой боли. Его взгляд при этом заметно потемнел, что привлекло пристальное внимание Инквизитора, и тот аккуратно поймал ладонями виски юноши.

– Постой-ка, – с деловитым интересом проговорил он, осторожно запустив пальцы под волосы и что-то осторожно трогая пальцами под ними, – а тебя здесь крепко били, похоже, да? Нынче или при аресте?

– Не помню, мне везде доставалось, – с грустью вздохнул раненый. – Кажется, и нынче, и тогда.

– Так вот отчего ты так себе не нравишься, парень, – почти ласково подытожил рыцарь, едва ли, не усмехаясь, вот только взгляд его снова похолодел. – Это совсем не мелочи, вот потому ты вянешь и слезами исходишь. Ну, не грусти, это тоже поправимо, хоть и не сразу. Так, приляг на подушку, я сейчас.

Эстрелладо и сам был не рад невозможности унять слёзы, но хотя бы почувствовал значительную передышку, поняв, что чёрные узкие когти, давившие горло в полусне-полубреду, больше ему не угрожают. Сообщение об уничтоженном хрустальном шаре добавило ему сил, и дышать стало намного легче. И главное, он понял, что теперь у него есть хорошие шансы не только выжить, но и снова стать собой. Инквизитор удалился вглубь комнаты совсем ненадолго, и вскоре возник рядом с какой-то странной ременной петлёй, проклёпанной и с множеством пряжек. Он несколько раз надевал её на го-

лову, каждый раз что-то подгоняя и подмеряя на ней, затем закрепил её плотно, оставив длинный конец у себя в ладони.

– Закрой глаза и вдохни, – услышал юноша команду, отданную ровным деловым тоном, и поспешил подчиниться.

Резкий рывок, белая ослепительная вспышка, и на несколько секунд прекратившееся дыхание, но вроде без боли как таковой...

– Всё, открывай глаза и дыши спокойно, – прозвучало тем же тоном, потом щёлкнула застёжка, и ремешок покинул голову.

Эстрелладо открыл глаза и обомлел. Окружающий мир вроде как будто налился красками, в разы ярче, чем только что. Слёзы взялись стремительно сохнуть, и в грудь хлынул мощный поток свежего воздуха, как будто исчезли давившие её снаружи невидимые обручи... Ресницы уже не слипались, так, что приходилось с усилием раздирать их, чтоб оставить глаза открытыми. Кровь встрепенулась и понеслась по жилам со скоростью горного потока, вымывая прочь сомнения в том, что тело сможет подчиняться хозяину, как и прежде. Даже боль, саднившая и жгущая, пылающая там, где оставались раны, стала менее сильной и настойчивой. Горлышко фляжки оказалось у самых губ, и юноша почти с наслаждением сделал несколько глотков сладкого красного вина. По телу разлилось тихое тепло, такое, которое бывает только на мессе, если стоять напротив алтаря. Прыжок в другую реальность был слишком чётко – только что всё состояние сви-

детельствовало о том, что погибель крепко вцепилась в грудь и плечи, а сейчас от неё не осталось и следа, только вечерний воздух обволакивал лицо и шею, как будто гарантируя, что жизнь снова плещется внутри, как океанский прибой. Даже смотреть в окно на звёзды сейчас было безопасно – вместо зловещих шорохов там можно будет услышать только тихие струны, которые звучат не каждую ночь, но чаще всего в августе, когда луна не навещает алмазные россыпи, что иной раз начинают сыпаться длинными лентами в кроны деревьев и на вершины гор. Так спокойно не было ещё никогда – за последние десять лет уж совершенно точно... Инквизитор сидел рядом с ним на краю ложа, и смотрел куда-то в никуда, почти беззвучно шепча что-то побелевшими губами. Эстрелладо воспользовался этим, чтоб внимательно присмотреться к своему спасителю. Грозная фигура сурового столпа веры и силы никогда не пугала его всерьёз, в отличие от остальных приятелей, побаивавшихся того просто из какого-то суеверного страха. Даже в бытность детьми он в себе этого не наблюдал, и навсегда запомнил эпизод, когда в злополучную ссору с инфантой Инквизитор, как будто случайно, а на деле – очень настойчиво прижал его за плечи к себе, прикрывая от опасности и фактически молча повелевая оставаться под защитой.

Тогда Эстрелладо этим повелением пренебрёг и возможностью не воспользовался – не из упрямства, а просто потому, что чувствовал в себе силы справиться с проблемой са-

мостоятельно. Он не знал, что этот его шаг будет замечен и истолкован в его пользу, да и забыл вскоре об инциденте надолго – не до того было, чтоб настойчиво хранить воспоминания вообще. Он и сейчас не предполагал, что уже далеко не единожды очень расположил к себе этого солидного и повидавшего виды очень принципиального человека. Узнай он, что это были за эпизоды – он бы очень удивился и ничего не понял, ведь на его взгляд это было вполне естественное и логичное его, Эстрелладо, поведение... И ничего другого. Но у Инквизитора были свои системы оценки поведения и поступков людей, и хотя они были в основном тайной для окружающих, просто не желавших задаваться таким вопросом, следовал он им неукоснительно. Сейчас же Эстрелладо смотрел на немолодого мужчину совсем по-домашнему, потому что он олицетворял собой его надежду выжить и благополучие, а вовсе не случайное интересное знакомство с кем-то очень влиятельным на деле.

Юноша увидел, что хотя он сам не очень серьёзная обуза для благодетеля, но волнуется тот за него вполне искренне, да так, что заметно, что вряд ли ещё кто мог бы похвастаться таким вниманием в обозримой реальности. Столь доброго участия в своей странной судьбе вообще встречать не приходилось – быть объектом внимания, от которого все чего-то ждут и хотят, пусть было и привычно, но уже утомительно и поднадоело. По сути, настоящего человеческого тепла ни от кого больше дожидаться и не удалось, восторги

и похвалы, по большей части справедливые, реального счастья так и не приносили. Для матери Эстрелладо так и остался возлюбленной игрушкой, которую следует холить и лелеять, но не более того. Никого не интересовали истинные движения души молодого человека – и даже обсудить проблемы с хрустальными шарами было на деле не с кем, не в силу природной осторожности юного воина, а просто потому, что он знал, что никому эти обстоятельства на деле не важны, а важен лишь сиятельный образ Звезды, рядом с которой так приятно красоваться и отдыхать. Всем было плевать, что видит под стрельчатыми сводами на мессе вчерашний ребёнок, который вроде как упал с неба, и проклинал на деле эту участь, и что он при этом чувствует. Все исповедники, к которым доводилось обращаться с этим делом, испуганно шарахались от молодого человека, и в лучшем случае начинали робко предлагать отчитать его от бесов... Кардинала, помнится, интересовало лишь, не нарушает ли юноша расписание постов. Такие потом найдут ему невесту из приличной семьи, которая никогда не посмотрит ему в глаза, демонстрируя свою отрепетированную до автоматизма добродетель, и с которой до конца жизни будет не о чем говорить. А тупо бегать по альковам, навешивая в петлицу гвоздики каждый раз нового оттенка, дабы доказывать себе и каждому, что перед ним не устоит ни одна юбка любого ранга, было просто скучно и неинтересно. И видеть себя только призом в чужой игре, улыбаясь в ответ на зазывные взоры при-

дворных сердцеедок, тоже надоело почти сразу. Помочь ему выжить в тюрьме – это ещё можно списать на выполнение должностных обязанностей, но спасти его оттуда, да ещё так вовремя? В случайные совпадения молодой воин не верил никогда, а уж помочь ему в деле с хрустальным шаром не мог человек, которому на деле безразлично, что с ним происходит. Да и сейчас, когда он остался один с чёрными когтями, уже добравшимися до него в подземелье, и о которых не знал никто – пришёл не послушник, призванный присматривать за раненым, а сам рыцарь, надевший на него, погибающего, крест... Слишком много неслучайного, и даже если тут замешаны какие-нибудь политические интересы, Эстрелладо было уже плевать – он расслышал, что за молитвы шепчет над ним Великий Инквизитор, и понял, что во фляжке было вовсе не вино...

Раненый лежал тихо до тех пор, пока Инквизитор аккуратно читал положенные строки, вкладывая в них нечто большее, чем обычно в таких случаях и сам того не замечая. Затем, чуть передохнув и даже позволив себе протереть лоб рукавом, тот не сразу взглянул на подопечного. А когда взглянул, остолбенел – изумрудные глаза Эстрелладо были глубже океана в штиль и шире альпийских лугов на перевалах на севере страны... И это не был взгляд умирающего или больного, скорее, равного взрослого, как не сильнее самого бывалого рыцаря. Несмотря на слабость, молодой человек упорно протягивал руку к мужчине, не иначе, чтоб под-

черкнуть важность того, что собрался сказать. Инквизитор по привычке принял вид невозмутимого исповедника, вежливо кивнул головой и осторожно взял эту ладонь в свою, однако в груди у него грохнуло так, что не приходилось пока вспомнить, при каких обстоятельствах подобное могло происходить – разве что в первом путешествии на Святую Землю. От дежурного прикосновения рук почтенный слуга Господа ощутил себя мгновенно помолодевшим лет на двадцать, но годы дисциплины взяли своё, и ничто не могло выдать этих чувств, и смотрел он на раненого по-прежнему спокойно и покровительственно. Вежливо кивнул, ожидая дальнейшего – но после признавался себе тайком, что хладнокровия ему так и не хватило, а значит, на деле оно было и не нужно. Эстрелладо крепко ухватился за руку, пытаясь приподняться, и это ему было позволено.

– Позвольте быть Вашим сыном, отец, – тихо произнёс он, и взгляд его стал почти умоляющим. – Я не подведу Вас, поверьте мне.

Инквизитор был столь потрясён, что несколько секунд просто молча и взволнованно перебирал свободной рукой волосы раненого, как будто ища ответ, не ослышался ли он и верно ли, что тот, что только что ощущал себя погибающим, превратился вдруг в сокровище, посланное ему небом. Затем медленно и глубоко вздохнул и прижал голову юноши к груди, резко прикрыл глаза.

– Вот так сюрприз, – старательно выговаривал он слова

вполне себе холодным тоном, которому вполне можно было бы поверить, кабы не слеза, резво побежавшая у сурового вояки по щеке. – Ты, стало быть, уверен в том, что говоришь, да? – Эстрелладо молча и тихо кивнул, сильнее прижимаясь к своему спасителю, и тот скривился от невозможности спокойно выносить, как тает внутри. – Рухнул мне, как снег на голову, поставил меня в дурацкое положение, взбаламутил всю страну, спать спокойно никому не даёшь, чуть не погиб тут при мне несколько раз, и теперь ни разу не подведёшь меня, да? И кто ты после этого, а, ужасный мальчишка, от которого столько хлопот и одни проблемы, а? – шептал он с каким-то внешне спокойным, но очень напряжённым иступлением. – Тоже мне, подарочек с небес выискался, любитель озорничать по-крупному, что я с тобой буду делать, интересно знать?

Эстрелладо осторожно поднял голову, и Инквизитор, почувствовав это движение, резко открыл глаза, дабы не быть полностью застигнутым врасплох, и осёкся, увидев ясный и нежный взгляд, с такой тихой и светлой улыбкой, что было ясно, что пытаться сказать что-либо уже было бессмысленно.

– Папа, остынь уже, я ведь скоро выздоровею, – тоном совсем взрослого мужчины произнёс Эстрелладо. – Зачем так волноваться, успокойся, мы их всех сделаем, и очень скоро. Забодаются стараться.

– Вот же негодник, а, – на всегда бледном лице Великого Инквизитора вдруг проступил мальчишеский румянец, и он

порывистым движением снова прижал к груди голову юноши, чтоб не продолжать таять изнутри столь заметно, – весь в меня, такой, какого я и хотел двадцать лет назад.

– Папа, тебе может красного стаканчик сейчас будет время, а? Прости, что сам не могу встать и сделать.

– Ладно, сынок, дай своему старику прийти в себя, после выпьем, – совсем тихо произнёс Инквизитор и замолчал на несколько минут.

Он не видел, застыв с закрытыми глазами, что его новое сокровище тихо и светло улыбается, как человек, потративший годы, чтоб вернуться домой, и наконец, успешно достигший цели, но чувствовал это. Этой ночью они мало говорили и очень много молчали. Однако наутро послушники в саду едва всерьёз не перессорились – один из них утверждал, что не раз слышал, как их суровый господин смеётся, как бесшабашный юнец, но, разумеется, не имел успеха у остальных с такой новостью.

VII

Инфанта была чуток расстроена – не очень для неё привычное настроение... Обида на резкие слова Эстрелладо уже успела утихнуть, и она даже успела пару раз вздохнуть с сожалением о своём приказе – а ну как эти лоботрясы, что ей оставил де Солер, не схалтурили и выполнили его в точности? Но даже если и так – можно будет после выяснить это недоразумение, наверное, ведь убивать пленника команды не было, а на такие вещи всегда обращают внимание любые палачи. Надо полагать, они хорошо сбили спесь с этого гордеца – странный этот парень, очень, должно быть, верно болтали про него, что с неба свалился. В любом случае, ему придётся считаться с тем, что сегодня произойдёт – и прекратить уже однажды артачиться. А потом хоть пусть поубивают друг друга с де Солером – кто останется, того и предпочтём, как водится...

Она обычным манером привыкшего к дворцовым церемониям постоянного их участника прождала с тихой улыбкой весь пышный приём всей плеяды послов, собравшихся по случаю окончания войны и праздника Преображения, и дождалась, наконец, нужного знака Великого Инквизитора. Всё, наш выход, всегда завидовала слегка театральным примам – хотя бы ответственность у них на порядок меньше, если не так поставят каблук или ненароком глянут не туда...

Ах, Эстрелладо, ну почему ты оказался так упрям, из-за тебя вот это всё, ну да ладно, переиграем всё в мою пользу. Так, подошла и склонилась перед отцом без сложностей, понятно, в этот раз у нас нет в толпе врагов, кажется – нет, ошиблась, есть какие-то парни. Откуда они злятся? А-а, армейские, офицерье, стало быть. Ладно, какие вы все вспылчивые, порох прямо, спокойно, сейчас вы тоже обрадуетесь... Вот, уже все положенные слова произнесены, вперёд!

– Отец, милости прошу у Вас в честь праздника для нашего верного, но чуть неразумного слуги... Соболаговолите даровать свободу де Астеросу, ведь его заслуги перед державой трудно переоценить...

Ну что, съели? Ишь, расшумелись, будь я помоложе, так бы и оскалилась в вашу сторону, а то и язык вам показала. Ага, Инквизитор прав, как всегда – отец даже не разгневан ни разу, всё, проплыли нормально, теперь главное не дрогнуть ни голосом, ни ногой при отходе, нынче это внимание всех какое-то тяжёлое, можно запросто споткнуться. Тихо, тихо, спокойно, сейчас доберёмся до своего места, всё, ох. Но, всё же жарко, ах, как стало жарко, хорошо, что уже можно обмахиваться – откуда этот жар, что не так, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.